

TV СЕРИАЛ
ЖУРНАЛИСТКА

С
ВЕТАНА

АЛЕШИНА

*Моя опасная
леди*

ЭКСМО

TV журналистка

Светлана Алешина

Моя опасная леди (сборник)

«Научная книга»

2002

УДК <http://hub.litres.ru/pages/edito>

Алешина С.

Моя опасная леди (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (TV журналистка)

В канун Нового года автор и телеведущая популярной программы «Женское счастье» Ирина Лебедева решает пригласить в студию молоденькую девушку-жокея Елену Середину. Но первое же посещение ипподрома омрачено неприятным происшествием: тележурналистка становится свидетелем падения с лошади мастера-жокея Николая, не сумевшего взять барьер на своем Триумфе. Лена, невеста Николая, уверена, что падение подстроено. Кому же выгодно перед самыми соревнованиями в Москве, с большим призовым фондом, вывести из строя главного фаворита? Ирине становится известно, что директор ипподрома накануне вечером уговаривал Николая... не попадать на московских скачках в тройку лидеров, предлагая за это солидный куш...

УДК <http://hub.litres.ru/pages/edito>

Содержание

Моя опасная леди	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Светлана Алешина

Моя опасная леди (сборник)

Моя опасная леди

Глава 1

До Нового года оставалось две недели, а я все еще не могла определиться с темой последней передачи уходящего года. Шеф многозначительно поглядывал на меня, грозно играл бровями с державной задумчивостью о судьбах непосредственно подчиненного ему народа. Я честно пыталась придать своему лицу выражение одухотворенного энтузиазма за секунду до озарения, надеясь на то, что сработает очередная теория, исповедуемая Лерой. Наша сероглазка в последнее время увлеклась совсем уж нетрадиционными методами оздоровления организма и прочла всем желающим краткую, но емкую лекцию о том, что все в человеке взаимосвязано, и поэтому если ты счастлив, то и лицо у тебя соответствующее, а если несчастлив, то нужно придать счастливое выражение лицу, чтобы душа почувствовала то же самое.

Мне, честно говоря, все это показалось полным бредом, но последние несколько дней светлые идеи шарахались от меня, как от прокаженной, и я готова была уцепиться за соломинку, поэтому и пыталась действовать по Лериной методике. Получалось не очень-то. Да еще Галина Сергеевна сегодня опаздывала как-то уж слишком...

– Ирина, я не очень задержалась? – вот наконец-то и она. Раскраснелась от мороза, слегка запыхалась и лучится энтузиазмом.

– Не очень, – кисло ответила я.

– Я нашла для новогодней передачи совершенно потрясающую идею! Лучшей темы просто не может быть!

– Выкладывайте, – потребовала я.

Галина Сергеевна победно улыбнулась, повесила в шкаф свою шубку, устранила в прическе только ей одной ведомый беспорядок, утвердилась за своим столом и произнесла с неподражаемым апломбом:

– Я только что была у нее.

Я устало потерла виски. Галина Сергеевна, режиссер нашей передачи, человек, конечно, увлекающийся, но даже в своей увлеченности она выражалась всегда более-менее понятно. Видно, это я окончательно и бесповоротно утратила способность все схватывать на лету. Между тем Галина Сергеевна продолжала смотреть на меня, ожидая реакции на свое сообщение. Не придумав ничего умнее, я глубокомысленно спросила:

– И как она?

– Потрясающе! Когда Маша рассказала мне о ее способностях, я не поверила, но сегодня убедилась, что все правда. А какое лицо, Ира, если бы ты видела!

До меня постепенно начало доходить, что Галина Сергеевна случайно наткнулась на женщину, которую сочла достойной стать героиней нашей передачи «Женское счастье». Это не могло не радовать, но хотелось бы поконкретней выяснить, что, собственно, в этой героине есть такого-этакого, что привлекало бы зрителя.

– Галина Сергеевна, – вздохнула я, – давайте-ка все сначала и по порядку.

– Хорошо-хорошо, – скорчила режиссер недовольную мину. – Моя соседка Маша рассказала мне недавно об одной удивительной женщине. Я, как человек здравомыслящий, сначала отнеслась к Машиному рассказу с изрядной долей скепсиса, так как все мы уже успели до

отрыжки объесться всяких там колдунов и экстрасенсов. Ты сама знаешь, что половина из них – обыкновенные жулики, обирающие легковерных граждан. Но Анна – это нечто совершенно особенное! – Галина Сергеевна восторженно закатила глаза и продолжила: – Представляешь, Ирина, она мне по руке рассказала всю мою прошлую жизнь самым подробным образом!

Наш главный редактор с видом победительницы уставилась на меня. Я в очередной раз тяжело вздохнула:

– Галина Сергеевна, дорогая, вы же сами только что сказали, что люди объелись всем этим! И потом, почему вы вдруг поверили этой вашей Анне? Разве не могла та же ваша соседка заранее ей все рассказать о вас?

– Ну, не знаю, – неуверенно сбавила энтузиазм Галина Сергеевна. – Я, вообще-то, никогда не откровенничала с Машей – не тот, знаете ли, уровень. К тому же, Ирочка, это же самая что ни на есть новогодняя тема: колдовство, предсказания, гадания... А у Анны такое фактурное лицо!

– Не спорю, тема в самом деле новогодняя, – вынуждена была согласиться я. – Если отнестись к этому с юмором, то может получиться очень неплохо...

В моей голове уже начали возникать идеи сценарного плана, но Галина Сергеевна замала на меня руками:

– Ни в коем случае! Анна предупреждала меня, что никогда никому ничего не делает, если не видит, что у человека действительно есть в этом необходимость. Она очень серьезная женщина.

– Но вам же она гадала по руке, – не сдавалась я.

– Ну и что? Анна объяснила мне, что рука – это нечто всегда присутствующее со мной, а точное будущее – вещь капризная и опасная.

– Хорошо, тогда что вы предлагаете?

– Ну, я представляю себе все строго в сочетании с названием нашей передачи. Каждая женщина хочет быть счастливой, поэтому всем будут интересны нетрадиционные методы достижения этого счастья...

– Постойте, – перебила я. – Вы что же, предлагаете рекламу?..

– Почему сразу рекламу? – возмутилась Галина Сергеевна, не дав мне договорить. – Анна многое делает совершенно бесплатно. Она расскажет о себе, о том, как начала заниматься своей практикой, даст несколько полезных советов, предостережет от неправильных шагов. Ирочка, ты только представь себе, какой будет реакция зрителей! Я предвижу просто море вопросов!

– Считайте, что вы меня почти убедили, – сдалась я. – Но мне все-таки хочется сначала самой взглянуть на эту кудесницу. Да и Павлик должен посмотреть...

– Что я должен посмотреть? – Наш оператор вошел в кабинет, вытряхивая из своей густой бородинки застрявшие там снежинки.

– Не что, а кого, – строго поправила его Галина Сергеевна.

– И кого я должен посмотреть? – послушно повторил Павлик.

– На кого я должен посмотреть, – филологическое образование не позволило мне смолчать.

– Дамы, может быть, вы закончите урок русского языка с одним отдельно взятым учеником? – Павлик рухнул в свое любимое кресло и страдальчески посмотрел на нас. – И объясните мне все популярно! Я только что с натуральных съемок, замерз зверски, а вы меня пытаться взялись...

– Нам с тобой нужно взглянуть на потенциальную героиню новогодней передачи, – мило стиво просветила я оператора.

– А, понятно! – Павлик с хрустом потянулся, поудобнее устраиваясь в кресле. – Когда поедем?

Судя по его позе, можно было решить, что ленивого оператора больше всего устроил бы ответ «в следующем году», но на самом деле Павлик был одним из самых лучших операторов нашей студии и всегда во время работы становился собранным и деятельным, словно перевоплощаясь.

– А где Лера? – спросил он. – Честно говоря, я очень рассчитывал получить чашку горячего чая.

– Будет тебе чай, – заверила я Павлика. – Лера должна появиться с минуты на минуту.

– Ну, минуту я еще могу выдержать, – тоном утомленного героя согласился он.

– Что это ты можешь выдержать? – Реплика принадлежала появившейся в дверях Лере. Видно, сегодня день был такой, что все мои коллеги возникали с вопросом на устах.

– Это он так о тебе скучает, – просветила я ее.

– Да?! – удивленная девушка застыла с пуховиком в руках. – Вот никогда бы не поверила.

– Зря, – лицо Павлика приняло проникновенно-влюбленное выражение. – Никто, кроме тебя, не умеет готовить такой вкусный чай!

– А, ну так бы сразу и сказали, – перестала удивляться Лера. – Будет вам чай. А еще я нашла подходящую кандидатуру для новогодней передачи.

– И ты тоже? – Я изумилась, так как Лера редко выдвигала идеи, предпочитая быть исполнителем, причем, надо отдать ей должное, самым лучшим исполнителем под этим небом.

– Да, – гордо ответила она. – Это девушка-жокей. Я подумала, что раз наступает год Лошади, то будет... Ой, а вы уже кого-то нашли, что ли?

Наша помощница режиссера только в середине фразы сообразила, что мой вопрос подразумевает и что она не единственная, озаботившаяся успешными поисками героини.

– Галина Сергеевна почти успела меня убедить, что ее кандидатура – идеальна, – ответила я.

– А кто это? – Лера изо всех сил пыталась изобразить профессиональную заинтересованность, но было видно, что девочка расстроилась.

Чуткая Галина Сергеевна тоже это заметила и выдала превосходный по своей дипломатичности пассаж:

– Мне так казалось, пока ты не появилась, но теперь имеет смысл познакомиться с обеими кандидатурами. В конце концов, есть еще старый Новый год, Новый год по восточному календарю... В общем, Лерочка, твои усилия не пропадут в любом случае.

Дальше последовал час интенсивной работы, во время которой мои дамы выдали всю информацию о своих героинях и поделились с общественностью собственными идеями по поводу передачи.

Мне пока было сложно сделать выбор между Анной, разрекламированной Галиной Сергеевной, и Леной Серединой, чьи достоинства расписывала Лера.

– Так, – припечатала я ладони к столу. – Галина Сергеевна, звоните вашей Анне и договаривайтесь о встрече, чем быстрее, тем лучше. Ты, Лера, проделай то же самое со своей знакомой, и не забудьте скорректировать свои действия, чтобы не было временных накладок. Потом озаботимся машиной и вперед! Павлик, никуда не уходи, возможно, ехать придется в самое ближайшее время.

Оператор посмотрел на меня с таким видом, словно я сморозила несусветную чушь. А ведь верно! По своей воле Павлик ни за что не покинет это кресло, которое он считает самым удобным на телестудии и стремится в любой ситуации завладеть им единолично.

Телефонные переговоры завершились самым удачным образом. С Леной Серединой можно было пообщаться через час, а мистическая Анна готова была принять нас в любое время. Умчавшаяся Лера через пару минут возвратилась и сказала, что Костя готов ехать прямо сейчас и хоть на край света. Я ужасно обрадовалась этой новости, так как ожидала затруднений с транспортом: Новый год на носу, все мечутся как угорелые, машины нарасхват.

Впрочем, Костя – это такой специальный полезный человек, который все сделает, лишь бы поступить вместе со своей машиной в безраздельное распоряжение именно нашей группы.

* * *

Пока мы ехали, снег прекратился, и выглянуло солнце.

Подъезжая к Тарасовскому ипподрому, я испытала настоящий шок, так как очень давно не была в этом районе. Ипподром претерпел серьезные изменения в лучшую сторону: фасад здания щеголял новой отделкой, ограда радовала глаз отсутствием прорех и свежей покраской. Павлик уже деловито расчехлял свою камеру, чтобы начать съемку. Цены ему нет!

– Да-да, Павлик, – заговорила Галина Сергеевна. – Поснимай немного, очень живописно! А я и не ожидала, что тут такие перемены.

Лера лучилась гордостью, как будто преображение ипподрома было лично ее рук делом. Мы прошли к дверям административного здания, предъявили документы вахтерше, которая сразу расплылась в радушной улыбке, так как являлась большой поклонницей нашей передачи. Она даже извинилась за то, что сразу меня не узнала. Пройдя сквозным коридором, мы оказались внутри ипподрома. Я не уставала удивляться идеальному порядку – даже снег был тщательно вычищен со всей внутренней площади, а по тренировочному полю люди в форме выгуливали лошадей. Я невольно залюбовалась сильными грациозными животными. Павлик продолжал снимать, а Лера приветственно замахала рукой, привлекая внимание одной из наездниц, которая и оказалась Леной Серединой.

Лена грациозно подъехала к нам и, заметив снимающего Павлика, заставила лошадь поклониться. Вороная красавица послушно исполнила этот трюк с таким изяществом, что я захлопала в ладоши. Лена заулыбалась и спешила. Она оказалась очень миниатюрной, ее лицо в обрамлении выбившихся из-под жокейской шапочки золотисто-рыжих кудряшек было открытым и милым, а зеленые глаза лучились гордостью, когда она потрепала свою лошадь по шее.

– Умница, Карина, умница, – нежно сказала Лена, а потом поздоровалась с нами.

Мы все по очереди представились девушке, а Павлик даже галантно приложился к ее руке, чем вызвал недовольную гримасу Леры.

– Лена, как вы смотрите на то, чтобы стать героиней передачи «Женское счастье»? – спросила я.

– С удовольствием! – воскликнула она.

– Тогда расскажите нам о себе.

Оказалось, что Лена перебралась к нам из Киева, когда тамошний ипподром совсем захирел и практически превратился в очередной рынок. Там она только-только успела стать профессиональным жокеем, набрав необходимое количество побед в заездах, как обнаружила, что дальнейший рост ее карьеры стал почти невозможным. В Тарасов она переехала, так как у нее здесь жила тетя, всю жизнь работавшая ветеринаром при ипподроме. Она-то и сообщила племяннице, что наш местный ипподром переживает период взлета, нашлись частные лица, решившие осуществить солидные денежные вливания. Правда, то, что Лена увидела, было не настолько хорошо, как девушка себе представляла, но все-таки гораздо лучше, чем в Киеве.

Мне пока не хотелось заострять вопрос именно на этом, так как все спонсоры – люди крайне чувствительные, поэтому их нужно хвалить, а не ругать, поэтому я попросила Лену вернуться к рассказу о себе.

– Мне двадцать два года, лошадей я люблю с детства. Папа был кузнецом на Киевском ипподроме, и я все свое свободное время проводила рядом с лошадьми. Потом записалась в юношескую конно-спортивную секцию, а к окончанию школы уже твердо определилась с профессией и стала учеником жокея. Тренер у меня был замечательный, хотя и довольно жест-

кий. – Тут Лена улыбнулась своим воспоминаниям. – Мама всегда ругала меня, что я выбрала совершенно не женскую профессию, особенно когда я сломала ногу, не справившись с норовистым жеребцом-трехлеткой и вылетев из седла. Она говорила, что лучше бы я стала ветеринаром, как ее сестра, и лечила этих упрямых зверюг, раз уж так к ним привязана. Но я очень упряма и своего все равно добила.

– Лена, – спросила я, – а как карьерный рост в этой области сказывается на материальном уровне? Ведь если вы согласились стать героиней нашей передачи, то подобного вопроса от зрителей вам не избежать.

– Очень положительно сказывается, – снова улыбнулась девушка. – Мы получаем определенную зарплату за работу с лошадьми в подготовке их к соревнованиям и выявлении скаковых качеств, а в сезон еще и премию за результативные участия в бегах. Чем выше будет мой уровень как наездницы, тем больше шансов получить хорошую лошадь, попасть на престижные соревнования с хорошим призовым фондом, выехать на международный турнир...

– Понятно. А теперь не могли бы вы провести нас по ипподрому, показать, как здесь все устроено, и немного рассказать об этой вот красавице? – Я погладила переминавшуюся с ноги на ногу вороную кобылу.

– Про Карину я вам расскажу запросто. Ей четыре года, родители – Кася и Ринат, она принадлежит к русской рысистой породе, обладает прекрасными скаковыми качествами и одна из самых перспективных кобыл по резвости. У Карины замечательный характер, с ней очень легко поладить... Да вы сами видите! А вот насчет съемок вам придется договариваться с нашим директором, Виктором Дмитриевичем.

– Где его искать? – тут же сделала стойку Лера.

Я могла быть спокойна. Если директор на месте, то Лерочка его в два счета уговорит.

– Да, Лера, – подала голос Галина Сергеевна. – Выясни, нет ли у него каких-нибудь видеоматериалов с бегов, чтобы использовать в передаче. Особенно хорошо, если там будет участвовать Лена.

– Сделаем! – шутливо отдала честь Лера и умчалась в сторону административного здания. Пока она отсутствовала, Лена попросила у нас разрешения закончить занятия с Кариной, пообещав показать, на что способна ее лошадь. Павлик радостно закивал и отправился выбирать подходящие точки для съемок.

– Ира, – обратилась ко мне Галина Сергеевна. – Я уже готова признать, наша помощница права. Леночка просто прелесть что такое! Да и столько прекрасного материала можно наснимать, лошадки все такие милые, просто чудо!

– А как же ваша Анна? Вы же говорили, что у нее лицо очень фактурное? – изумилась я.

– Я от своих слов и не отказываюсь, – вздохнула Галина Сергеевна. – Но пока мы тут беседовали, я подумала, что все-таки выгоднее именно Лену сделать героиней новогодней передачи, потому что Анна хоть и интересная личность сама по себе, но такого живописного материала с ней не наснимаешь.

– А почему? Что-то я не совсем понимаю.

– Ну как же? С клиентами Анна работает строго тет-а-тет, сама понимаешь, что мало охотников выставить себя на всеобщее обозрение таким образом.

– Согласна, но ведь можно снять сотрудников нашей телестудии, ту же Светочку, например, – я отстаивала Анну с не меньшим и удивлявшим меня саму упорством, чем протестовала в нашем кабинете против ее кандидатуры. – Я и сама не откажусь, мне скрывать нечего!

Что верно, то верно. Не было в моей жизни роковых тайн и страстей! Я верная жена горячо любимого мужа Володеньки и пользуюсь не менее горячей взаимностью, мы с ним просто идеальная пара. А мои мечты о передаче «Расследование с Ириной Лебедевой» пока остаются только мечтами.

– Можно, не спорю. Только мне кажется, что Анна на это не пойдет. Я же тебе говорила, как она серьезно относится к своей деятельности.

– Галина Сергеевна, давайте не будем спорить. Раз договорились о встрече, то съездим и на месте все решим, ладно?

– Ладно, – несколько вяло согласилась она.

Минут через десять Лера вернулась, победно опираясь на руку директора.

– Ирина Анатольевна, дорогая, здравствуйте! – радушно приветствовал меня директор. – Как вы могли подумать, что я вам откажу? Да меня супруга со свету тогда сживет, она же самая горячая поклонница вашей передачи! Можете всецело располагать всем, что вам потребуется.

Ну до чего все-таки приятно быть популярной и любимой народом! Мне от его слов даже теплее стало, хотя морозец был очень легким и я, в общем-то, и не мерзла вовсе.

К нам вернулись Лена и Павлик, который, будучи представлен директору, с ходу выдал идею, что было бы очень неплохо попросить остальных наездников проделать с лошадьми что-нибудь интересное для зрителей-неспециалистов. Виктор Дмитриевич не возражал, и наездники с удовольствием расстарались, заставляя своих скакунов идти в галоп, гарцевать иноходью, прыгать через препятствия.

Пока Павлик снимал, стараясь делать акцент на нашу героиню, которая была великолепна, я разговорилась с директором по поводу видеоматериалов с бегов. Оказалось, что таких немного, но они все-таки есть, и он берется мне их достать. Съемки велись в основном любительские, снимали родственники наездников и владельцы лошадей, поэтому я была крайне благодарна, что Виктор Дмитриевич взял на себя труд договориться со всеми этими людьми, чтобы пленки попали к нам на студию вовремя и монтажники успели выбрать и переписать нужные куски.

Внезапно мое внимание привлек испуганный крик. Я увидела, что все наездники тотчас прекратили свою демонстрацию для нашего оператора и спешат к человеку, лежащему с неестественно подвернутой ногой за деревянным сооружением, служащим препятствием. Рядом поднимался на ноги конь, которого уже пытался взять за уздцы и успокоить один из спешившихся наездников.

И Галина Сергеевна, и я, и державшийся до этого в стороне Костя, и директор бросились выяснять, что случилось.

– Да вот Коля вывел Триумфа, хотел всем тут нос утереть, показать, как барьер брать надо, – стал отвечать на вопрос Виктора Дмитриевича мужчина в синей куртке с надписью «Тренер» на спине. – Ну и не справился...

– Разрезвились, мать вашу! – вспылил директор. – Кого я теперь вместо него в Москву пошлю на «Русскую зиму», а? Я тебя спрашиваю, Терентьич? Они-то все ладно, сопляки, что с них взять, а ты куда смотрел?

– Да ладно, Дмитрич, не кипятись, найдем замену, – попытался оправдаться тренер.

– Найдем, – ехидно передразнил его директор. – За врачом послали?

– Да, вон он уже бежит.

Подбежавший врач склонился над лежащим Колей и стал что-то у него спрашивать и ощупывать поврежденную ногу, потом резко приказал вызывать «Скорую».

– Что с ним? – спросил директор.

– Плохо, – сухо ответил доктор. – Кажется, перелом бедра.

Я смотрела на лицо несчастного парня и не могла отвести взгляда. Помимо страдания и боли, на нем отражалось какое-то удивление, словно он никак не хотел поверить, что это случилось именно с ним. Честно говоря, я была рада, что кошмарное происшествие обошлось без крови. Потом я ощутила на своих плечах чьи-то руки, которые мягко, но настойчиво пытались развернуть меня и увести с места происшествия.

– Пойдемте, Ирина Анатольевна, – услышала я голос Кости. – Вам не нужно тут находиться.

Я послушно дала себя увести в сторону, но все равно продолжала смотреть на деятельную суету вокруг пострадавшего Коли. Ведь это просто наказание какое-то! Словно злой рок преследует нашу съемочную группу, это ведь уже не первый случай, когда мы становимся свидетелями, мягко говоря, неприятных происшествий. Хорошо еще, что парень всего лишь ногу сломал, а не что похуже. Да и наша героиня не пострадала. Надеюсь, что жокеи не такие суеверные люди, как циркачи, и она не откажется от участия в передаче, а то я уже так настроилась...

В скором времени прибыла машина «Скорой помощи», Колю уложили на носилки и отправили в больницу. Постепенно к нам подтянулись остальные члены съемочной группы, у которых на лицах было написано то же, что и у меня: нас преследует злой рок. Следом подошли директор и Лена Середина.

Виктор Дмитриевич уже успокоился и постарался успокоить нас, клятвенно заверив, что тот факт, что Коле не меньше месяца придется пролежать в гипсе, нам в вину никак поставить нельзя.

– Ничего-ничего, – бодро вещал директор. – В следующий раз умнее будет. А ты, Леночка, поедешь вместо него в Москву. Терентьич уверяет, что лучше тебя там никто, кроме сверзившегося Кольки, выступить не сможет. – Спасибо, Виктор Дмитриевич, – поблагодарила Лена, однако ожидаемой радости на ее лице не было. Оно и понятно. Тяжело радоваться, когда твоя удача строится на чужом несчастье.

Мы еще немного поговорили о наших планах, Лена пообещала заехать к нам в студию на следующий день после обеда, чтобы обсудить нюансы передачи и заодно передать записи, обещанные директором. Но от энтузиазма, с которым началась встреча, практически ничего не осталось.

Возвращались мы к себе в далеко не радужном настроении, дружно решив взять тайм-аут перед визитом к Анне и заодно пообедать. Для этого по дороге заехали в кафе и командировали Леру за гамбургерами. Она возмущенно закатила глаза и открыла было рот, чтобы осчастливить нас очередной лекцией о вреде подобной пищи, но, увидев выражение наших лиц, сдержалась и промолчала. Вернувшись с полным пакетом аппетитно пахнущих гамбургеров, Лера сунула его Павлику с такой брезгливостью, словно в нем была не еда, а дохлые мыши.

– Натэ, ешьте свою отраву замедленного действия.

– А нам торопиться некуда, – хохотнул Павлик, выудив из пакета булку с сосиской и впившись в нее зубами. – И вообще, Лерочка, пора бы знать, что смертность среди населения Земли стопроцентная, никому еще не удалось справиться с врожденной болезнью организма, называемой старостью.

– Зато я смогу надолго сохранить здоровье и ясный ум, а ты через пару лет начнешь загибаться от гастритов и прочих прелестей неправильного образа жизни! – запальчиво ответила Лера.

Полный рот не помешал жующему Павлику тут же придумать достойный ответ, так что остаток пути мы провели, слушая пикировку этих двух индивидуумов. Она благотворно сказывалась на наших нервах, поэтому никому не пришло в голову попросить ребят умолкнуть, как это было бы сделано в любом другом случае. Напротив, каждый, и я в том числе, щедро подливал масла в огонь этой вечной дискуссии. Так что, когда мы подъехали к телецентру, Лера успела раскалиться добела, основательно обидеться на Павлика, буркнуть ему: «Сам дурак», – и замолчать, надменно поджав губы.

Я почувствовала себя слегка виноватой перед ней, поэтому, войдя в наш кабинет, обратилась к Лере самым ласковым тоном, на который была способна:

– Лера, солнышко, будь так добра, сделай нам всем чаю, пожалуйста.

– И этому? – гневно сверкнула она глазами на уже успевшего устроиться в кресле Павлика.

– Готов просить прощения! – тут же принял вид искренне раскаявшегося оператор. – Виноват, дурак, исправлюсь.

– Все ты врешь, – буркнула девушка, доставая чашки. – Ты не исправим, так что курагой делиться не буду, и не надейся!

– Не буду, – покаянно вздохнул Павлик. – Буду умирать с голода, глядя, как вы все тут предаетесь кревоугодию.

– Что?! – возмутилась я. – Ты же по дороге уже съел два гамбургера, обжора несчастный!

– И это называется обжора? – он картинно всплеснул руками. – Две маленькие булки с совсем уж крошечными сосисками, это что, пир горой?

– Ну и заказывал бы больше, – пожала я плечами. – Кто тебе не давал?

– А я не понял, что такой голодный, и еще надеялся, что вам присуще сострадание к ближнему.

– Вот что, страдалец, – не выдержала Галина Сергеевна. – Я все равно на диете, так что смело можешь взять один гамбургер из моей доли. Мне одного хватит.

– Галина Сергеевна! – радостно возопил Павлик, быстренько сграбастав со стола еще одну булку. – Вы мой ангел-хранитель! Благодарное человечество в моем лице вас не забудет!

– Ладно тебе, – отмахнулась она. – Я, между прочим, о всех забочусь, потому что без четко функционирующего оператора наша группа перестанет быть настолько эффективной.

– Слышала, Лера? – победно посмотрел Павлик на девушку. – А ты меня не ценишь и курагой не делишься.

– Скажите пожалуйста! – передернула плечами Лера. – Тоже мне, ценнейший специалист всех времен и народов!

Я смотрела на своих коллег как на горячо любимых детей, которыми, кстати, обзавестись еще не успела, и умилялась. Ну до чего дружный и сплоченный коллектив!

– Вот что, орлы мои и орлицы, – покончив с трапезой, призвала я всех к вниманию. – Шутки шутками, но нам с вами еще и работать полагается. Поднимайтесь, собирайтесь – и по коням, поедем к Анне. Кстати, Галина Сергеевна, а как ее отчество? Лена-то молоденькая, можно и по имени, а к вашей протееже как обращаться прикажете?

– Так и обращайся, – пожала она плечами. – Анна. Как я успела понять, она к светским условностям не тяготеет.

– Ну и ладно. Отправляемся, братцы. Надеюсь, больше нас сегодня никаких происшествий не ждет.

– Это верно, – поддержала меня Лера. – А то дважды за день – это как-то чересчур.

Глава 2

Анна жила на третьем этаже девятиэтажного дома в районе набережной, в однокомнатной квартире. Когда наша группа ввалилась в это не предназначенное для столь многочисленных сборищ помещение, то сразу стало тесно. Хозяйка встретила нас со сдержанной любезностью, а мне практически с первого взгляда стало понятно, чем она так очаровала нашу Галину Сергеевну.

Анна выглядела очень молодо, но ее серого цвета глаза выдавали, что, скорее всего, этой женщине уже основательно за тридцать. Красавицей в полном смысле этого слова Анну назвать было нельзя, если рассматривать черты лица по отдельности: губы слишком тонкие, нос длинноват, густые темные волосы собраны на затылке в пучок, а такую прическу многие сочли бы старомодной. Но в целом лицо женщины действительно потрясло и сразу запомнилось. Скорее всего, именно из-за глаз, которые, если их хозяйка смотрела прямо на собеседника, казалось, заглядывали прямо в душу, при этом вовсе не раздражая и не вызывая желания отвести взгляд. Это было очень ласковое и какое-то успокаивающее внимание, словно поглаживание теплой мягкой рукой.

Мы с трудом разделись, нагромодили свою одежду на вешалку в прихожей и прошли следом за Анной в комнату. Она предложила угостить нас кофе, чтобы сделать атмосферу беседы более непринужденной. Естественно, возражений не последовало ни у кого, кроме Леры, зато она вызвалась помочь хозяйке.

Пока обе удалились на кухню, мы с Павликом принялись рассматривать комнату с профессиональным интересом.

Честно говоря, жилище Анны вызвало у меня странные чувства: разочарование, смешанное с заинтересованностью. Квартира была обставлена с удивительной лаконичностью, ничего лишнего или нарочито украшательского я в ней не увидела.

– И это жилье колдуньи? – деликатным шепотом возмутился Павлик. – А где же всякий ведьминский антураж? Ни тебе засушенных змей, ни черепа, ни африканских масок... Даже заваливающего черного кота не наблюдается.

Действительно, подумала я, ничего такого нет, обстановка и отделка в бело-черно-серых тонах, дорогая, но не вычурная. Низкая софа, два кресла, стеклянный столик на колесиках, стена с окном целиком затянута портьерами, еще одна стена занята выполненным явно на заказ гибридом книжного стеллажа и мини-стенки, причем книги в большинстве; там же хороший телевизор и музыкальный центр. Какой-то японский стиль с уклоном в буддизм, право слово!

Нечто занимательное было только на противоположной от окна стене. Там помещалось огромное, от пола до потолка зеркало примерно метровой ширины, но без рамы и вделанное в стену заподлицо. А рядом висели ставшие в последнее время чрезвычайно модными восточные колокольчики. Впрочем, эта вещь явно не была купленной в дешевом магазинчике и имела довольно внушительный размер.

Я не смогла удержаться, встала со своего места, подошла к ветро – кажется, эта штука-вина именно так называется – и качнула подвешенную на нити в центре гладкую прямоугольную деревяшку с вырезанным на ней иероглифом. Уж очень мне хотелось послушать, как звучит этот колоколице. Звуки, разнесшиеся по комнате, оказались низкими, как и ожидалось, и приятно будоражащими. Я бы не отказалась завести у себя дома такую вещь. Она очень пригодилась бы утром, когда из сонной апатичности меня не могут извлечь даже звуки голоса обожаемого мной Пласидо Доминго.

С нагруженным подносом вернулась из кухни Анна, следом за ней семенила Лера с потрясенным видом. Я кинула на нее вопросительный взгляд, но она показала глазами, что расскажет потом, и стала помогать хозяйке расставлять чашки и прочие причиндалы для кофепития.

Я взяла в руки черную керамическую чашку, отпила глоток и блаженно улыбнулась. Нет, что ни говори, а кофе я люблю гораздо больше чая, даже того, который заваривает Лера. Особенно если этот кофе так хорош. Я уже собиралась спросить Анну, какой сорт она покупает и каким способом варит, но она меня опередила.

– Вижу, вам нравится кофе, – улыбнулась женщина. – А как вы оценили звучание ветро?
– Прекрасно, – честно ответила я.

Анна перевела взгляд на нашего оператора, который все еще не согнал с лица удивленно-разочарованного выражения, усмехнулась уголками губ и спросила:

– А вы, кажется, Павел? – Тот утвердительно кивнул. – Вас что-то не устраивает?

– Да нет, – смутился Павлик. – Просто я все это как-то не так себе представлял, да и вас, если честно, тоже.

Он оглядел с ног до головы непринужденно сидевшую в кресле женщину в узких черных джинсах и черной рубашке свободного покроя с расстегнутым воротом, из-за которого виднелась серебряная цепочка с медальоном. Форму его рассмотреть пока не представлялось возможным. Ну абсолютно ничего мистического в ее облике не было! Ни каких-нибудь затейливых колец или браслетов, вообще никаких украшений!

Я внимательней пригляделась к лицу Анны и сделала вывод, что если она и пользуется косметикой, то настолько умело, что без самого пристального всматривания заметить это было невозможно. Хотя, может быть, это ее природа так щедро наградила. Но Павлика я понимала, как никто: эффектных кадров тут не наснимаешь. Ясна мне стала и реакция Галины Сергеевны на ипподроме – Леночка с лошадами представлялась мне теперь гораздо выигрышнее Анны, несмотря на неординарную внешность последней. Но уж раз приехали, то будем общаться, как повелевает профессия тележурналистки.

– Анна, – попросила я, поставив на стол наполовину пустую чашку, – расскажите немного о себе.

– Пожалуйста, – легко согласилась она. – Мне сорок один год, я не замужем и не была никогда, детей нет. В свое время закончила механико-математический факультет Тарасовского университета...

– Постойте, – перебила ее Галина Сергеевна. – Как же вы могли с таким образованием вдруг увлечься э... столь нестандартным делом?

– Очень просто, – снова улыбнулась Анна. – Это ведь расхожее заблуждение, что математики – это прагматичные сухари. Знаете, есть такая достаточно известная фраза одного ученого, сказанная им об одном из своих учеников: «Он стал поэтом, так как ему не хватило воображения, чтобы быть математиком». К тому же все началось далеко не вдруг. Я с детства ощущала в себе некий дар, сущности которого до конца не понимала. А пристально изучить его меня подвигнула именно математика, вернее, теория вероятностей. Существуют определенные закономерности, которые вполне поддаются анализу...

Я слегка поморщилась, так как еще со школьных лет всякие заумные математические термины повергали меня в состояние скучающего отупения. Видимо, Анна это заметила.

– Впрочем, – продолжила она, – я не буду углубляться в такие подробности. Скажу только, что многие явления, огульно причисленные к мистическим, на самом деле совершенно естественны и вполне поддаются научному объяснению.

– Ну да, ну да, – встрял Павлик. – Биоэнергетика, экстрасенсорика... Слышали мы все это.

Я неодобрительно покосилась на него, но Анна ничуть не обиделась.

– Понимаю ваше пренебрежительное отношение к подобным вещам. В последнее время вокруг столько информации на эту тему, большая часть которой является заведомой чушью. И совсем непросто выловить крупинцы чего-либо по-настоящему ценного. К тому же все газеты пестрят объявлениями так называемых народных целителей, которые за пару сотен и часов

берутся излечить вас от любых недугов и перенаправить жизнь в самое благое русло. – Женщина презрительно усмехнулась. – Бессовестные шарлатаны, обирающие доверчивых простаков, или чернушники!

– А вы себя к таковым, разумеется, не причисляете? – не удержалась я от довольно ехидного вопроса.

– Нет, не причисляю и берусь вам легко доказать, почему. Во-первых, я не зарабатываю на помощи людям деньги.

– А почему? – слегка растерявшись, брякнула я.

– Потому что этого просто нельзя делать. Вспомните, слышал ли хоть кто-нибудь из вас, что реально существующие старушки, действительно помогающие людям, озаботились вывести у входа преysкурант на свои услуги? Они никогда не берут денег, только продукты или вещи, которые им предлагают от чистого сердца, и живут далеко не богато. А все потому, что эти бабушки прекрасно знают, что можно делать, а что нельзя.

Мы все несколько смущенно молчали, пока Анна обводила нас пристальным взглядом. Ведь в самом деле, о добрых бабульках все мы были наслышаны и знали, что дело обстоит именно так, как нам только что сказала Анна.

– Во-вторых, – продолжала она, – я никогда не стану вредить людям, даже если мне убедительно докажут, что они этого заслужили.

– То есть порчу, сглаз, проклятье вы насылать не станете? – уточнила я.

– Никогда. Более того, не стану делать и приворот, хотя прекрасно умею, так как приворот – зло гораздо худшее, чем все остальное.

– Разве? – Я снова удивилась, заодно подумав, как бы я стала себя вести, если бы мой Владимир вдруг увлекся какой-нибудь другой женщиной. Кто знает, может, мне этот самый приворот показался бы вполне приемлемым.

– Привнесенное извне вмешательство в чувственную сферу является самым грубым и жестоким насилием над человеком, – назидательно проговорила Анна. – Представьте себе, что одним прекрасным утром вы просыпаетесь с мыслями о каком-то другом человеке вместо горячо любимого мужа. Ваше существо мучительно раздваивается, вы ничего не можете понять, впадаете в депрессию, в семье начинаются скандалы, дело доходит до развода... Затем вы сходите с тем самым другим человеком, но ни покоя, ни счастья не обретаете, так как, кроме насильно навязанной тяги к нему, никаких других чувств не испытываете. Ему тоже не светит счастье, так как подобным обладанием может удовлетвориться только садист.

Я всегда отличалась богатым воображением, так что прочувствованная речь Анны произвела на меня очень сильное впечатление. К тому же и за кандидатом в «другого человека» далеко ходить было не надо. Вон он, под окном в машине сидит. Я внутренне содрогнулась, представив Костю, заказавшего на меня приворот, и расписанные Анной последствия всего этого мистического безобразия. От этих терзаний меня спасла Галина Сергеевна, которая воспользовалась паузой в словах Анны и задала мучивший ее вопрос:

– Извините, а на что вы живете, если не зарабатываете денег подобно, с позволения сказать, вашим менее щепетильным коллегам?

– Занимаюсь репетиторством с детьми и иногда по договору с лигагентством редактирую книги по магии, чтобы не печатали совсем уж никудышные вещи, к тому же способные принести вред.

Я опять страшно заинтересовалась этим и чуть было не задала очередной вопрос, но вовремя прикусила язык, понимая, что так можно болтать до бесконечности, а нам ведь надо работать. Для себя я все-таки решила, что имеет смысл составить сценарный план для передачи под старый Новый год, в чем и Анна примет участие. Все-таки она действительно серьезный человек и весьма, надо признать, интересный. Вот только проявления ее способностей я пока еще не видела.

– Анна, – обратилась я к ней, – как я понимаю, вы согласны принять участие в нашей передаче? – Она утвердительно кивнула, и я продолжила: – Тогда нам с вами имеет смысл выработать совместный подход, так как, честно признаюсь, я слегка растеряна. Чувствую, что может получиться нечто неординарное, но пока плохо представляю, с какого места начать танцевать. Вы согласны?

– Разумеется. Давайте определимся для начала со временем нашей следующей встречи, потому что сегодня мы уже не успеем все обсудить – ко мне через час должны прийти.

– Тогда не будем вас больше задерживать. Галина Сергеевна с вами свяжется и договорится. Только, – я слегка замялась, – передачу с вами мы будем делать уже в следующем году.

– Ничего страшного, – развеяла Анна мою неловкость. – Это даже лучше, так как от праздничной передачи люди будут ждать немного не того, что может получиться у нас с вами. Я облегченно вздохнула и уже собралась попрощаться, но тут заговорила Лера:

– Анна, а вы не могли бы мне погадать? Галина Сергеевна так восторженно о вас рассказывала, а мы ничего такого и не видели.

Павлик тоже энергично закивал головой, поддерживая Леру.

– Могу, но только по руке. Для других способов ни у кого из вас сейчас нет никакого повода. Давайте обе ваши ладони, – скомандовала Анна девушке. – И распрямите их как следует.

Лера решительно, словно прыгая с моста в холодную воду, протянула Анне свои ладошки. Несколько секунд та их внимательно разглядывала, перебегая взглядом с одной на другую, потом отпустила правую ладонь и сосредоточилась исключительно на левой, посмотрела на Лерины ногти, затем попросила Леру сжать кулачок и изучила сгиб ладони со стороны мизинца. Затем подняла голову и, улыбаясь, заговорила:

– Вы, Лерочка, просто обречены на счастье. Вам очень много дано от рождения, и богатства свои вы не расточаете, а приумножаете. Замуж вы выйдете по любви и только один раз, но не скоро, лет через пять-шесть, женой будете верной и преданной. Детей сможете родить двоих: сначала мальчика, потом девочку. У вас трезвый и ясный ум, вы обо всем на свете имеете свое мнение, и переубедить вас можно только железными аргументами. Однако вы излишне вспыльчивы, что пройдет с возрастом, так как вы поймете, что это вам мешает. Ваша карьера может двигаться в двух направлениях, и каждое из них приведет к успеху. Вы можете быть очень хорошим руководителем, однако вам будет мешать гипертрофированная ответственность и желание все проконтролировать лично. Ваше финансовое положение окончательно стабилизируется примерно к тридцати годам и будет неизменно высоким. В тридцать пять лет у вас возможен нервный срыв или сердечная болезнь, но вы с этим справитесь и проживете еще около тридцати лет без особых проблем. Счастье неразрывно связано со всеми аспектами вашей личности, что гарантирует гармоничную жизнь. Со временем у вас разовьется очень неплохая интуиция, которая будет оберегать вас от опрометчивых поступков в любой сфере вашей деятельности. Трагические случайности вам не грозят. Вот, пожалуй, и все. Еще что-то смотреть имеет смысл, только когда вам исполнится двадцать шесть лет, – закончила Анна.

Лера просто сияла и с видом явного превосходства посматривала на Павлика. Но меня все эти предсказания как-то не очень впечатлили. Довольно стандартный набор благостных банальностей, и только. Впрочем, Лера была так молода и беспроblemна, что глупо было ожидать чего-то другого. Однако Лерин взгляд задел Павлика за живое.

– А можно мне тоже? – попросил он и протянул Анне свои ладони.

Его руки она рассматривала несколько дольше. Потом сказала:

– Павел, вы уверены, что хотите выслушать все, что я скажу не наедине?

Оператор слегка заколебался, но все-таки кивнул.

– Ну ладно, – пожала плечами Анна. – Итак: от рождения вам была дана долгая и безопасная жизнь среднестатистического гражданина. Но вы не обладаете ярко выраженной

заданностью судьбы, поэтому сумели изменить предначертанное. Вы с детства хотели восторгов от окружающих вас людей и обожания женщин, но не старались особо прикладывать для этого собственные усилия. Хотелось всего сразу и даром. К сожалению, так не бывает. Поэтому теперь вас ценят, но только за талант, через год это положение может измениться, учтите. Да и жизнь вы свою укоротили изрядно, осталось еще не более двадцати пяти лет, причем последние десять будут осложнены болезнями. Далее, женщины. Их в вашей жизни будет достаточно много, но каждая будет ненадолго, семью вы вряд ли создадите. А шанс обзавестись ребенком вы уже упустили...

Павлик слушал и медленно наливался краской. Анна прервала свою речь, внимательно на него посмотрела и спросила: – Мне сказать, каким образом это произошло, или не стоит ворошить неприятное прошлое?

– Не стоит, – буркнул Павлик. – Лучше скажите, в моей жизни будет что-то хорошее?

– Вам не нравится? Так это все и есть плата за отсутствие личных усилий. Но вы не обратили внимания на то, что я сказала – ваша судьба лишена четкой заданности. Поэтому у вас есть еще около года, чтобы решить, хотите ли вы что-то изменить в ней и ли нет. Махнете на себя рукой – все будет именно так, как я сказала. Задумаетесь всерьез – сумеете многое поменять. А через год мы снова посмотрим изменения на вашей руке, если захотите.

Вот теперь впечатление у меня было очень сильным: чтобы наш Павлик так краснел и смущался, да такого я ни разу не видела! Что же он такого натворил по молодости и по глупости, а? Хоть я и не сплетница, но непременно постараюсь выяснить. Может, и мне попробовать погадать? Время у нас еще есть.

– Анна, а мне вы погадаете? – решила я.

– Вам? – Анна пристально посмотрела на меня, вернее, как бы вокруг и сквозь меня, так что мне стало слегка неуютно. – Ирина, давайте сделаем это в следующий раз.

– Но почему? – изумилась я отказу и даже почувствовала легкую обиду: другим ведь не отказывала.

– Сейчас мне будет очень сложно сосредоточиться. Вокруг вас словно темная пелена какая-то, – извиняющимся тоном проговорила она, продолжая всматриваться в меня все тем же плывущим взглядом.

– Ничего не понимаю, – растерянно пожала я плечами. – А руки-то тут при чем? Вы же на ладонь мою смотреть будете.

– Ни при чем... Но у вас вот-вот случится что-то очень неприятное... и оно связано с лошадью...

– А, – облегченно махнула рукой Галина Сергеевна. – Это уже случилось.

На вопросительный взгляд Анны Галина Сергеевна принялась рассказывать о происшествии на ипподроме, невольными свидетелями и в какой-то мере участниками которого мы сегодня стали.

– Просто Ирина у нас особа очень впечатлительная, вот до сих пор и думает об этом, – закончила она свой рассказ.

– Нет, – Анна с сомнением покачала головой, еще раз оглядев меня, и уверенно заключила: – Это еще не случилось с Ириной Анатольевной.

От этих слов меня передернуло, и мысли лихорадочно заметались в голове. Господи, неужели еще какая-нибудь пакость случится на ипподроме во время наших дополнительных съемок? Честное слово, я не выдержу этого кошмара, сколько же можно! То одну героиню разорвало у меня на глазах взрывом, то другую ограбили во время передачи... Что же это, неужели я в самом деле приношу людям несчастье? После таких мыслей гадать мне расхотелось. Одно дело подозревать себя в таком мерзком качестве, а другое – знать наверняка. Этак я заработаю себе невроз и решу уйти с телевидения и стать домохозяйкой-затворницей, на радость Володьке. Хотя, если разобраться, какая ему от этого будет радость?

Мы несколько торопливо и скомканно стали прощаться с Анной и через несколько минут уже рассаживались в машине. Когда мы уже отъезжали, я краем глаза заметила, как из припаркованного невдалеке джипа выбирается какой-то знакомый мужчина и направляется к тому же самому подъезду, из которого мы вышли минуту назад. Он скрылся так быстро, что я не успела толком его разглядеть. А впрочем, я была слишком погружена сейчас в свои мысли, чтобы интересоваться еще чем-то, кроме напрогноченного мне несчастья с лошадью, смысла которого я, хоть убейте, понять не могла.

Настроение у меня окончательно испортилось. Заметив это, Галина Сергеевна сердобольно предложила:

– Знаешь что, Ириша, а поезжай-ка ты домой. До конца рабочего дня осталось всего ничего, полтора часа, так что ничего страшного не случится. А мы с Лерой вместе посидим, подумаем. Может, чего умного и сочиним для сценарных планов.

– Спасибо, Галина Сергеевна, – тепло поблагодарила я ее.

Все-таки она самая лучшая женщина, прямо мама родная, честное слово! Что бы я без нее делала?

– Да-да, – поддержала Галину Сергеевну Лера. – Поезжайте домой, Ира. Ваш муж, наверное, уже дома. Проведете тихий семейный вечер или за покупками сходите, развеетесь... Костя, вы же отвезете Ирину Анатольевну?

А вот этого она могла бы и не говорить. Я, конечно, расстроена, но ведь не парализована! Могу прекрасно добраться домой и сама. Но Костя уже сворачивал в направлении моего дома. Хорошо, что он решил отвезти меня сейчас, а не после того, как доставит моих коллег на телецентр.

Володя действительно был дома и встретил меня в фартуке и с ножом наперевес – это он картошку чистил. Муж очень обрадовался моему внеплановому возвращению и даже не стал интересоваться причиной. Я отобрала у него оба атрибута кухонной повинности, уверяя, что нехитрая домашняя работа благотворно влияет на нервную систему утомленной телеведущей, и, поцеловав, отправила включать стереосистему. На радостях Володька даже не стал разыгрывать привычную и самому ему надоевшую пантомиму на тему «Как меня достала классика». Через несколько секунд квартиру наполнили бархатные переливы голоса Лучано Паваротти. А я принялась ошкуривать очередную картофелину, прикидывая, что бы с ней такое сделать – просто поджарить или соорудить картофельные оладьи? Я совсем недавно узнала их рецепт и еще не испытывала его на супруге, хотя мне золотистые хрустящие лепешечки очень понравились.

От незамысловатых кулинарных раздумий меня отвлек телефонный звонок.

– Володенька! – прокричала я. – Возьми трубку, у меня руки грязные!

– Хорошо, Ириша. Алло? Привет. Ирина, это тебя.

Супруг принес телефон на кухню и прижал трубку к моему правому уху.

– Слушаю, – недовольно откликнулась я, подумав, что звонят с работы. Наверное, шеф обнаружил мое отсутствие и девочкам не удалось отвести от меня его праведный гнев. Но я ошиблась, это была моя старинная приятельница Вероника – не слишком удачливая, но никогда не унывающая дамочка, работавшая сейчас продавцом в «Архипелаге».

– Ирка! – завопила она в трубку. – Привет, подруга! Слушай, мы только что получили партию микроволновок, точно таких, о которых ты мне все уши прожужжала! Бери своего благоверного и дуй сюда немедленно!

– Господи, Вероника, – растерялась я от такого напора. – Что, до выходного все микроволновки разберут, что ли? Ну так придержи для меня одну. Мне ведь еще денег надо будет раздобыть до полной суммы где-то.

– Не надо ничего раздобывать! – снова затараторила Вероника. – Шеф сегодня с дуба рухнул и разрешил каждому из нас приобрести для себя любой товар по закупочной цене,

понимаешь? Мне-то пока ничего не надо, а тебе удружу. Только нужно брать прямо сейчас, а то он у нас товарищ непредсказуемый, завтра не с той ноги встанет и от всего откажется: «Какая такая себестоимость? Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, и вообще все покупки для работников на общих основаниях!» Так что беги немедленно!

– Вероничка! – спросила я с замирающим от счастья сердцем – скоро сбудется моя мечта, ля-ля-ля! – А закупочная цена – это сколько?

– Это всего-навсего пять двести, – пропела довольная собой подруга.

Я облегченно перевела дух. У меня было отложено пять с половиной тысяч, так что хватало и на печь, и на празднование этой эпохальной покупки.

– Жди, через двадцать минут будем!

Забыв о грязных руках, я повисла на шее мужа с воплями и подпрыгиваниями:

– Володенька, солнышко, быстро собирайся! Едем за микроволновкой!

Муж почему-то моей радости не оценил и, пытаясь удержать и телефонную трубку, и буйную меня, как-то смущенно спросил:

– Ирочка, к чему такая спешка?

Мне пришлось пересказать ему наш разговор с Вероникой. Рассказывая, я бестолково металась по кухне, не в силах сообразить от нахлынувшего нетерпения поскорее стать гордой обладательницей вожденной микроволновки, куда деть нож и что делать с недочищенной картошкой. Теперь у меня будет такая вещь, такая вещь!.. С автоматическими режимами, с программой для разных продуктов, с вращающимся подносом, с набором посуды, с грилем и конвекцией! Чего я только не наготовлю с ее помощью на Новый год!

– Ирочка, – муж отобрал у меня нож, положил его в мойку и усадил меня на табурет, – послушай меня...

– Что случилось? – виноватая интонация в голосе Володи была такова, что, несмотря на свою эйфорию, я тоже начала тревожиться.

– Помнишь, как в сентябре ты сокрушалась, что до Нового года вряд ли сумеешь скопить недостающие деньги, и боялась, что бытовая техника снова подорожает?

– Помню, – согласилась я, еще не понимая, к чему он клонит.

– Ну вот, а мне так хотелось тебя порадовать...

Ничего не понимаю... Он что, сумел раздобыть денег, чтобы сделать мне сюрприз? Я пристальнее взглядела в лицо мужа, пытаюсь разглядеть зарождение хитрой улыбки, с которой он всегда преподносил мне подарки, для начала помучив и потомив меня как следует. Увы, отсутствовала даже тень этой самой улыбки, а глаза Володьки становились все более виноватыми.

– Так что случилось, Володенька? – ласково спросила я его.

От моих слов муж окончательно сник и отвел глаза.

– Прости, Ира, но денег на микроволновку у нас сейчас нет. Там всего тысяча двести, больше я собрать не успел. Мне трудно утаивать от тебя деньги, так что я зря надеялся...

Я совсем запуталась от этого непонятного признания.

– Володя, подожди. Если ты собрал тысячу двести, то вместе с отложенными там уже шесть семсот, а на печь нужно всего пять двести, значит, у нас еще остаются деньги...

– Не вместе, а вместо, понимаешь? – выдавил муж. – То есть как это вместо? А где все остальное? – Я еще не успела ничего понять, но сердце уже заныло, прощаясь с, казалось, таким близким осуществлением мечты.

– Я проиграл эти деньги, – отчаянно бухнул муж.

– Что?! – не поверила я своим ушам. – Как это проиграл? Ты же никогда не был азартным человеком!

– Я же тебе говорю, что очень хотел тебя порадовать... Обратился к Белоусову за советом, а он предложил сходить с ним на ипподром, ну я и пошел... Сначала ставил по маленькой

и выигрывал, а потом Виталька сказал, что знает верную лошадь, уговорил меня поставить много, чтобы огрести убойный куш...

– И ты поставил и проиграл? – мертвым голосом спросила я.

– Да, – мой бедный муж был просто раздавлен и уничтожен.

– Именины сердца... – пробормотала я потерянно. – Вот вам лошадь, вот вам несчастье... Хорошо еще, что так легко отделались...

Володя смотрел на меня как на помешавшуюся, а я пыталась справиться с бурей нахлынувших чувств. В моей бедной душе мешалось удивление от столь быстро сбывшегося предсказания Анны, облегчение, что оно и в самом деле коснулось только меня, горькое разочарование от того, что реализация моей мечты снова откладывается на неопределенный срок, злость на мужа... Впрочем, последнее чувство я немедленно постаралась подавить. Бедный Володенька и так страшно переживал и мучился, зачем же мне еще его добивать?.. Мужа надо было срочно утешить и успокоить.

– Володенька. – Я встала и взяла лицо мужа в свои ладони, чтобы посмотреть ему в глаза. – Брось ты переживать из-за такой ерунды! Ты ведь хотел меня порадовать, правда? Ну и что, что не получилось? Да и бог с ней, с этой микроволновкой! Что я, без нее готовить не умею? Еще как умею! И сейчас я тебе это продемонстрирую! Приготовлю такое блюдо, что ты пальчики оближешь!

Муж, ни слова не говоря, крепко обнял меня, прижав к своей груди, и долго-долго не отпускал, а потом прошептал:

– Спасибо тебе, Ириша. Ты самая лучшая жена на свете. Но печка у тебя все-таки будет, я тебе обещаю...

Когда успокоившийся Володька с аппетитом хрустел горячими оладьями, щедро поливая их кетчупом, снова зазвонил телефон. Боже мой! Я совсем забыла о Веронике! Свинство какое...

– Ирка! Ну кто так делает? Обещала подъехать через двадцать минут, а уже час прошел, а тебя все нет!

– Вероника, ты прости, пожалуйста, но я на радостях совсем забыла, что у меня мама заняла деньги, – бездарно соврала я, чтобы не выдавать мужа. – Так что извини, но сейчас я печку купить не могу.

– Ну вот, – огорчилась подруга. – А может, ты сумеешь где-нибудь найти? Или мама скоро отдаст?

– Не знаю, но сегодня я точно уже не приеду.

– И не надо, – рассмеялась Вероника. – Шеф оставил распоряжение в бухгалтерии, что мы можем сделать свои покупки аж до старого Нового года, представляешь? Так что я придержу для тебя печку.

– Спасибо тебе, Вероничка, ты просто прелесть, – поблагодарила я ее, а сама уже снова на радость поднявшей голову дуре-надежде начала лихорадочно соображать, успею я за месяц собрать еще четыре тысячи или нет.

– Да не за что! Для чего же еще нужны подруги? А ты меня за это пригласишь на свою передачу, идет?

– Ну конечно! – окончательно развеселилась я, вешая трубку.

А в сущности, что такого страшного произошло? Ну проиграл Володька деньги, ну и что? Он ведь не со зла. Да и что такое деньги? Тьфу, да и только! Гораздо важнее, что он меня любит! А я его. Вот пойду сейчас на кухню и скажу ему об этом.

Глава 3

Я проснулась на следующее утро, чувствуя себя относительно бодрой и свежей. Для разнообразия меня сегодня разбудили звуки «Времен года» Вивальди. Володя уже встал, и из кухни доносился запах жарящейся яичницы. Нет, все-таки у меня самый лучший муж на свете, хоть и не умеет делать деньги. Но если разобраться, то это ведь и не самое главное качество в мужьях.

Я позволила себе еще пару минут понежиться в постели, строго в соответствии с очередной принесенной Лерой теорией, что каждое пробуждение – это стресс, поэтому просто необходимо полежать в расслабленном состоянии, чтобы ощутить радость бытия, потом бодренько вскочила, сделала несколько гимнастических упражнений и отправилась принимать душ. Даже чуть теплая водичка не испортила мне настроение.

– Доброе утро, Ириша, – приветствовал меня супруг, поймав на пороге ванной и расцеловав. Целуется он так замечательно, что потратить на это занятие несколько утренних минут я считаю самым правильным решением.

За завтраком мы с Володей поговорили о том о сем, деликатно не касаясь темы каких-либо покупок. Затем я взяла на себя обязанность по мытью посуды, коей было не так уж и много, а супруг отправился в университет к первой паре. Одевшись и несколько минут проведя у зеркала, чтобы навести окончательную красоту, я поспешила на работу, где меня поджидало маленькое чудо. Наш охранник впервые не потребовал у меня пропуск, а расплылся в широкой улыбке и поздоровался:

– Доброе утро, Ирина Анатольевна.

Видимо, я так и не смогла скрыть своего удивления, поэтому он счел своим долгом пояснить:

– Я со своей девушкой вашу передачу смотрел.

Вот так всегда! Нет мужикам никакого дела до женского счастья, хоть в жизни, хоть на телевидении. Только мой Володенька исключение из этого правила: и передачу смотрит регулярно, и обо мне заботится.

– Доброе утро, Ирина, – приветствовала меня Лера. – Как ваше настроение?

– Привет, Лера. А настроение мое очень даже ничего! Семейный вечер с мужем оказался весьма удачным способом психотерапии.

– А за покупками не ходили? – поинтересовалась она.

Господи, лучше бы не напоминала!

– Ох, Лера, ты оказалась пророчицей не хуже Анны, – ответила я, скривившись, как от зубной боли.

– Да? – удивилась Лера. – А в чем это выразилось?

– Лучше не спрашивай, – отмахнулась я.

– Как скажете, – пожала она плечами, но было видно, что обиделась.

– Ну ладно, – сдалась я, понимая, что и сама хочу поделиться сбывшимся предсказанием, а рассказать о нем никак не получится, чтобы не упомянуть о Володином проигрыше. – Только давай дождемся Галину Сергеевну, чтобы дважды мне не повторять одно и то же.

– Ой, это же сколько ждать! – вздохнула Лера.

– Ничего-ничего, ты мне пока расскажешь, что вы вчера придумали.

– А ничего.

– То есть как? – опешила я.

– А вот так. Евгений Иванович нас встретил и напомнил, что новогодняя передача – это, конечно, правильно и очень даже нужно, но ведь есть еще и плановая, которая состоится не далее как в эту пятницу. Вот мы с Галиной Сергеевной и совершили трудовой подвиг, создав

сценарный план передачи о продавцах и подарках. У вас же есть знакомая, работающая в магазине? Я помню, мы с вами с ней как-то встречались, такая веселая женщина, по-моему, вполне подходит.

– Умницы вы мои, – умилилась я. – Вероника будет просто счастлива. Она вчера только меня просила пригласить ее на передачу, правда, не в качестве героини, но, думаю, она и с этим легко справится.

– Конечно, справится, – согласилась Лера. – Продавцы, они такие, справятся с чем угодно.

Я быстренько просмотрела сотворенный моими девочками план, осталась почти довольна. Потом осчастливила своим звонком Веронику и договорилась встретиться с ней в обеденный перерыв. Сомнений в том, что передача у нас получится удачной, у меня не было. Веронику любили в коллективе, она никогда не грубила покупателям и не боялась никаких вопросов, а снять на пятнадцать минут видового материала было для нашего Павлика делом и вовсе пустячным. Конечно, ничего шедеврального мы не сделаем, но качественную передачу можно гарантировать без особых хлопот.

– А вот и Галина Сергеевна! – приветствовала Лера нашего режиссера. – Мы вас уж заждались.

– А что, я так сильно опоздала? – обиженно поджала она губы.

– Да нет, просто Ирина не хочет ничего рассказывать без вас, – попыталась оправдаться Лера.

– Да? А о чем?

– О чем-то очень интересном, так что я уже вся извелась.

– Ты меня заинтриговала так, что дальше некуда. – Галина Сергеевна, поняла я, не преувеличивала, так как даже не посмотрелась в зеркало, а сразу прошла к своему столу и уставилась на меня. – Не томи, Ирина, рассказывай.

– Дело в том, мои дорогие дамы, что вчера предсказание Анны насчет меня сбылось целиком и полностью совокупно с Лериным советом сходить за покупками...

Когда я закончила в красках пересказывать события прошедшего вечера, в нашем кабинете на некоторое время воцарилось удивленное молчание. Первой пришла в себя Галина Сергеевна:

– А я ведь тебе говорила, что Анна совершенно необыкновенная женщина, но ты мне не верила! – с видом победительницы посмотрела она на меня.

– Не спорю, – согласилась я. – Наверное, все-таки решусь попросить ее еще раз погадать... Ладно, что было, то было, а нам с вами работать надо. Когда должна прийти Лена?

Оказалось, что Лена звонила вчера вечером из больницы, куда положили пострадавшего Колю, и сказала, что появится у нас несколько позже, чем договаривались, так как сегодня снова зайдет навестить парня. Что ж, дело богоугодное, а мы пока можем сообща подумать, как построить передачу с ней.

Два часа пролетели незаметно. За это время мы успели вчерне составить сценарный план новогодней передачи, попить чаю и утрясти с Евгением Ивановичем кое-какие формальности. Шеф остался нашей работой доволен, но не упустил возможности отечески пожуричь за то, что все, мол, из нас приходится вытрясать. Мы с Галиной Сергеевной дружно возмутились такими инсинуациями и, бия себя в грудь, принялись доказывать, какие мы работающие – ночей не спим, недоедаем, про семью забыли. Евгений Иванович слегка ошалел от нашего гомона и поспешил ретироваться в свой кабинет, туманно намекнув на возможность приличной новогодней премии. Этот намек придал нам дополнительные силы, и появившаяся наконец Лена застала нашу дружную команду в приподнятом настроении.

Как раз в это же самое время объявился и Павлик, так что я без промедления отправила его с Галиной Сергеевной просматривать принесенные Леной пленки, выбрать нужные места

и решать, что еще нужно доснять. Сама же стала обсуждать с Леной возможные нюансы плана. Лена внимательно меня слушала, но вчерашнего энтузиазма, однако, не проявляла. Мне это показалось несколько странным.

– Лена, вы передумали участвовать в нашей передаче? – спросила я девушку.

– Нет-нет, что вы! – воскликнула она. – Просто... просто...

– Вы близко к сердцу приняли то, что случилось с Колей? – догадалась я.

– Да, я была сегодня у него в больнице...

– Как он? – участливо поинтересовалась Лера.

– Ничего, перелом не такой уж тяжелый, без смещения, так что последствий травмы опасаться не приходится.

– Что же вы тогда так расстроены? – снова спросила я.

– Но ведь он не поедет на «Русскую зиму»...

– Жизнь на этом не кончается... – начала было я и вдруг осеклась. – Пойдите, Лена, вы что же, себя вините в том, что случилось с Колей?

– Нет, но...

– Так... – не выдержала я. – Лера, завари-ка нам чайку, Лене надо успокоиться...

Я продолжала что-то говорить, сумбурное и успокоительное, девушка кивала в ответ, но, похоже, пропускала мои слова мимо ушей. Лишь взяв в руки чашку с горячим чаем, вдруг решила:

– Послушайте, Ирина Анатольевна, вы такая добрая, отзывчивая, к тому же журналистка! Вы сможете меня понять!

– Конечно, смогу, – автоматически согласилась я, еще не зная, что, собственно, я сумею понять.

– Ну так вот... Коля упал вчера не случайно, это все было подстроено, а ваша просьба оказалась как нельзя кстати!

– Ничего не понимаю, – растерялась я.

– Это же просто! – горячилась Лена. – Коля упасть никак не мог, он вообще с любыми лошадьми ладит, а уж с Триумфом так вообще как с родным! И барьер там был стандартный, его разве только полудохлая кляча не перепрыгнет! А Коля наездник от бога, он вообще самый лучший!

– Послушайте, Лена, успокойтесь и объясните толком, как могли подстроить Колино падение, если он такой хороший наездник, а Триумф – такой замечательный конь? Да и зачем кому-то выводить из строя лучшего наездника перед самой поездкой в Москву?

– Как подстроено – не знаю, я вчера и барьер проверила сразу украдкой. Триумф об него не спотыкался, это точно. Вот только сбрую проверить не успела, жеребца без меня расседлали, пока я с вами разговаривала. А Коля говорит, что Триумфа Егорка седлал, он ему как себе доверяет.

Я так увлеклась этой загадочной историей, что на время забыла о второй половине своего вопроса, на которую Лена не успела ответить. Как же в самом деле можно было подстроить это самое падение?

– Лена, а с этим самым Егоркой вы разговаривали? Может быть, он что-то заметил, когда расседлывал коня?

– Он его не расседлывал, он же младший брат Коли, так что все время рядом был. А теперь плачет, себя винит во всем...

– Странно... А ну-ка, Лера, сбегай к Павлику и выясни, успел он снять падение Коли или нет?

Лера меня поняла с полуслова и тут же умчалась. Через пару минут раздался звонок внутреннего телефона – Лера звала нас в монтажную, где окопались Павлик с Галиной Серге-

евной. Наш чудный оператор, как оказалось, заснял всю сцену Колиного прыжка, да еще крупным планом, так как ждал эффектного зрелища.

Мы стали внимательно просматривать тот отрезок записи, где Триумф пытался взять барьер. Камера Павлика была так удачно направлена, что мы видели скачущего наездника в профиль вместе с красавцем-скакуном. Коля взял разбег, пришпорил коня и направил его к барьеру. Когда передние ноги жеребца уже были за барьером, наездник как-то странно покачнулся и стал заваливаться вправо так, что земли Коля и Триумф уже касались порознь. Хорошо, что парень был опытным наездником, поэтому успел выпустить уздечку, иначе конь протащил бы его за собой, и он не отделался бы одним переломом. Все было прекрасно видно, вот только понять, почему вдруг Коля стал падать, мы не сумели.

– Павел, – попросила Лена, – а нельзя прокрутить помедленнее ту часть, где Коля заваливается на бок?

– Можно.

Мы стали смотреть снова, еще внимательней. Не знаю, как остальные, но я разглядела, что правая нога парня почему-то сама собой ни с того ни с сего перестала опираться на стремя. Именно поэтому он упал!

– Я же говорила! – тут же воскликнула Лена. – Коле кто-то испортил стремя!

– Как же его можно испортить? – изумилась Галина Сергеевна. – Оно же железное.

– Проще простого, – горестно взмахнула рукой Лена. – Стремя же не цельное, оно представляет собой металлическую дугу с отверстиями на концах, куда вставляется упор, переключатель для ноги, и расклепывается. Расклепать стремя, чтобы упор легко скользил в пазах, – дело двадцати минут в кузне. Уж я-то знаю, сама видела, когда отец сбрую чинил. Или можно подпилить упор, это тоже не слишком хитрое дело.

– Давайте-ка я сделаю укрупнение, – предложил Павлик.

Он повозился несколько секунд с пультом управления, и картинка на экране стала скачкообразно увеличиваться. В конце концов стало четко видно только Колину ступню в стремях. Павлик стал последовательно менять кадры по одному, и мы увидели, как привстающий во время прыжка парень переносит опору тела на стремя, слегка проскользнув ногой по упору. Упор свободно проворачивается в пазах и одним концом вылетает из своего гнезда, Коля теряет опору и падает...

– Кто же это мог сделать? – ошеломленно задалась вопросом Лера.

Я криво усмехнулась:

– Если бы Лена сама не настаивала на том, чтобы во всем этом разобраться, я могла бы подумать на нее.

– Почему? – удивленно захлопала ресницами Галина Сергеевна.

– А все просто, – пояснила вместо меня Лена. – Это ведь я была самым логичным кандидатом на поездку в Москву вместо Коли. Видимо, он так и решил...

– Кто, Коля? – теперь пришла моя очередь удивляться, но последняя реплика Лены окончательно сбила меня с толку.

– Нет, не Коля, – с непонятым выражением вздохнула девушка. – А Виктор Дмитриевич... Коля был прав...

Мы все потрясенно молчали, но я не выдержала первой, так как терпеть не могу, когда чего-то не понимаю.

– Лена, может быть, вы объясните нам все по порядку?

– Могу, – тоскливо согласилась она. – Только толку никакого все равно не будет... Ничего я не смогу доказать...

– А что надо доказывать? – не унималась я. – Говорите же, наконец, толком!

– Дело в том, что в Москве должны проходить не просто праздничные мероприятия, а еще и соревнования с большим призовым фондом. Зимние скачки вообще редкость, так что

внимание все это привлекло огромное. К тому же, естественно, там будет организован тотализатор. Мы с Колей вместе просматривали списки лошадей и наездников. Многих я знаю еще по Киеву, кого-то знает Коля с Самары – у него там старые связи. Так вот, у Коли и Триумфа имелись очень хорошие шансы на победу в Москве, а это, как вы понимаете, очень хороший карьерный шанс. Однако в последнее время Коля ходил какой-то сам не свой, а на все мои вопросы старался не отвечать, уходил в сторону. Только сегодня он мне признался, что Виктор Дмитриевич, прекрасно понимая, какие шансы у Триумфа с Колей, уговаривал его даже в тройку лидеров не попадать, представляете?

– А зачем? – тупо спросила я. – Ведь, как я понимаю, если жеребец из конюшни Тарасовского ипподрома придет первым, значит, слава и почет не только коню с наездником, но и директору, и ипподрому в целом. Наверное, и денежная премия хорошая...

– Для Коли или для меня – вполне. Десять тысяч рублей. А вот Виктор Дмитриевич решил иначе. Ведь тотализатор будет весь подстроен, чтобы определенные люди выиграли огромные деньги. Так что директор предлагал Коле пятьдесят тысяч за то, чтобы он не побеждал, думал его купить. А Коля честный, он хочет карьеру законным путем сделать, а не таким... Вот и отказался.

– Понятно, – протянула Галина Сергеевна. – Видимо, ваш Виктор Дмитриевич получит гораздо больше, чем предлагал Коле.

– Да уж конечно, – ядовито подтвердила Лена. – Он у нас бессребреником никогда не был, почти весь сезон сделал...

– Это ты о чем? – насторожилась я, от волнения обратившись к девушке на «ты».

– А то вы не знаете, что бега у нас практически никогда честно не проходят. Обыкновенный человек только чудом может угадать, как ставить, пусть он хоть сто раз разбирается в лошадях!

«Так-так-так, – про себя подумала я. – Это получается, что Володенька мой не просто проиграл, а его обули? Ну нет, этого я так не оставлю! Я их всех на чистую воду выведу». Во мне разбушевалось такое возмущение, что я, хоть и плохо представляла, кого именно собираюсь выводить на чистую воду, но идти решила до победного конца.

Мои коллеги о чем-то возбужденно спорили, а я уже пыталась лихорадочно выработать план действия по разоблачению продажного директора. В голове сформировалась совсем неплохая на первый взгляд идея.

– Лена, – поспешила я поделиться ею. – Раз ты едешь в Москву, то ваш Виктор Дмитриевич должен будет и к тебе подъехать на той же козе, что и к Коле. Давай мы тебя снабдим диктофоном, чтобы ты записала весь этот разговор, а? Вот и доказательство появится!

– А еще можно поискать того человека, который испортил Коле стремя, – вдохновенно предложила Галина Сергеевна. – И допросить его как следует, чтобы признался, кто его заставил это сделать!

– Ох, Галина Сергеевна, – закатила я глаза. – Этого человека еще найти надо. И потом, как вы его допрашивать собираетесь, с помощью горячего утюга? Это ведь незаконно.

– Вечно ты так, – обиделась она. – Есть же у человека совесть, может быть, он себе плохо представлял, что из его проделки получится, а теперь мучается, хочет покаяться...

– Плохо вы знаете нашего директора, – высказалась по этому поводу Лена. – Он половину наездников купил, а остальных припугнул, что без работы оставит, да еще такую характеристику выдаст, что никому вовек хорошей лошади не увидит иначе как в кино. Да и не он главный.

– А кто? – тут же заинтересовалась я.

– Не знаю. Но у Виктора Дмитриевича на такие дела денег просто не хватило бы. Он только все устраивает и получает свой процент.

– Ирина, – вдруг заговорила Лера, – все это очень интересно, но вы не забыли, что в два часа нас будет ждать Вероника? Ведь уже половина второго!

Боже мой, мы так увлеклись распутыванием ипподромных махинаций, что забыли о времени! А ведь нас ждала самая что ни на есть рутинная, но необходимая работа. Нам пока, к сожалению, деньги платят именно за нее, а не за частные расследования, будь они хоть трижды благородным делом.

И тут поднялась страшная суматоха. Павлик искал свою камеру, которую первый раз в жизни не помнил, где оставил; Лера умчалась за машиной; Галина Сергеевна искала запропавшийся сценарный план, обнаружившийся в конце концов под чайными чашками; я скороговоркой договаривалась с Леной, чтобы она мне перезвонила вечером домой... Одним словом, дым стоял коромыслом.

Без десяти два мы все-таки влезли наконец в машину, запыхавшиеся, какие-то всклокоченные, и стали дружно погонять Костю, чтобы ехал быстрее. Он один, как всегда, оставался спокойным, словно скала среди бушующего моря, так что именно благодаря тому, что он игнорировал наши понукания, мы прибыли к магазину, в котором располагался отдел Вероники, практически вовремя, опоздав только на две минуты.

За час обеденного перерыва в магазине мы успели провернуть массу дел: обговорили все нюансы с Вероникой, наметили список вопросов, отсортировали те, над которыми ей стоит подумать, и те, на которые ей отвечать не захочется, отсняли обеденные посиделки в бытовке, отыграли сцену Вероникиного прихода на работу и оформления ею витрины. Лера умудрилась отловить и организовать цивилизованную толпу покупателей, которую Павлик потом заснял у Вероникиного прилавка. А Галина Сергеевна проконсультировала мою подругу на предмет подходящего для передачи наряда и макияжа.

На телестудию мы вернулись совершенно выжатые, но довольные собой донельзя. Это ведь надо суметь за два с половиной часа практически полностью подготовить передачу! Павлик рухнул в кресло и заявил, что сейчас умрет, если ему не окажут срочную гуманитарную помощь в размере телеги еды. Ну или хотя бы чашки чаю и горсти орехов. Сердобольная Лера не вынесла его стонов и быстро организовала всем нам, а не только Павлику, чай с травками и тарелку с пирожными из нашего буфета.

– Ну что, Ирина, – спросила меня Галина Сергеевна, дожевывая пирожное и промокнув губы платочком, – как поработали, а?

– Хорошо, слов нет, – согласилась я, устало вытянув ноги. – А ты, Павлик, что скажешь?

– Скажу, что завтра надо будет с утра еще раз поехать к этому магазину и переснять то место, когда Вероника как бы приходит на работу.

– Это еще почему? – возмутилась я.

– Потому что освещение было совсем не утреннее, а вечернее. По мне, и так хорошо, но вы же не хотите, чтобы какая-нибудь въедливая клязница настрочила на вас донос о том, что вся ваша передача – сплошная инсценировка? Вам же не нужен такой скандал, как с «Большой стиркой»?

Я была вынуждена согласиться, что скандал нам нужен в такой же степени, что и эскимосам холодильник, а значит, завтра ни свет ни заря поедем переснимать. Павлик огорчился не меньше меня, так как для него любая внеплановая деятельность являлась нарушением прав человека вообще и его личных в особенности..

Домой я добралась вовремя, правда, уставшая настолько, что никаких кулинарных подвигов совершать не стала, а удовольствовалась вместе с Володькой тем, что ему удалось смастерить из имеющихся в наличии продуктов, то есть пельменями фирмы «Марья-искусница». Не знаю, как насчет настоящей, сказочной Марьи, а эта искусница свои изделия явно штампует левой ногой, такие они получаются несимпатичные и безвкусные. Хотя, залитые смесью кетчупа и майонеза, да еще на голодный желудок, проглотились за милую душу.

От медитативного безделья с чашкой кофе в руках меня оторвал звонок Лены. Девочка горела желанием пообщаться лично. Ехать мне куда не хотелось, так что я пригласила ее к себе. Лена согласилась и добралась в рекордно короткий срок. У меня даже закралось подозрение, что она воспользовалась своей очаровательной улыбкой, чтобы ангажировать какого-нибудь не слишком меркантильного частника. Ну да это все лирика и к делу отношения не имеет. И вообще, что это на меня нашло? Кто я такая, чтобы запрещать хорошенькой девушке улыбаться в личных целях? Сама ведь сплошь и рядом использую собственную популярность, а туда же, морализаторствовать затеялась!

Проведя минутный сеанс самокритики, пока Лена расшнуровывала ботинки и пристраивала на вешалку свою куртку, я провела ее в комнату, усадила в кресло, вручила чашку с кофе и потребовала:

– Рассказывай.

Возвращаться снова к обращению на «вы» я не видела смысла, так как Лена все-таки была гораздо моложе меня, да и не обиделась на эту вольность в прошлый раз. К тому же «ты» способствует установлению большей задушевности в беседе.

– Я когда от вас сегодня уехала, то вернулась на ипподром и зашла в конюшню к Триумфу, мне ведь с ним в Москву ехать. Так что ни у кого это подозрений вызвать не должно. Я хотела проверить сбрую и знаете что обнаружила?

– Что?

– Все правое стремя заменено, так что улик не осталось. Кто-то успел об этом позаботиться.

– Не огорчайся, у нас ведь осталась пленка, а это тоже улика, видеозапись теперь даже милиция признает в этом качестве. Так что твой Коля смело может писать заявление.

– Он не станет, – прервала меня Лена.

– Почему?

– Он и меня уговаривал больше не копаться в этом деле, так как боится за меня. Коля... он мой жених.

– Так это же здорово! – Я не совсем уместно обрадовалась этому факту, потому что подумала о нашей передаче. Коля был очень симпатичным парнем и довольно киногеничным, так что вместе с Леной он будет прекрасно смотреться на экране. – Надеюсь, к нашей передаче его уже выпустят из больницы и он сможет появиться в студии рядом с тобой или среди публики.

– Конечно, сможет, – улыбнулась девушка. – Он очень рад за меня. А еще посоветовал забыть об этом происшествии и думать только о передаче.

– Да почему? – снова вернулась я к волновавшей нас обеих теме.

– Потому что боится, что Виктор Дмитриевич не оставит меня в покое, и лучше сделать все, как он скажет...

– Это что же получается, – возмутилась я, – твой Коля сдался?

– Он бы никогда не сдался! – горячо запротестовала Лена. – Он за меня боится!

– А что тебе может угрожать? Смотри: ты берешь у нас диктофон, носишь его все время с собой и включаешь всякий раз, как только ваш директор затевает с тобой разговор наедине, для виду на все соглашаешься и получаешь запись-улику!

– Коля считает, что у нас с вами ничего не получится, – покачала головой Лена. – Он думает, что Виктор Дмитриевич не станет мне ничего предлагать, а просто прикажет не высываться на первые места.

– Ну и что? – недоумевала я. – Все равно не вижу никакой опасности, а улика появится.

– Нет, не появится. Виктор Дмитриевич не дурак, он открытым текстом говорить не будет, только намекнет. А опасается Коля того, что директор, если я откажусь подчиниться, уволит нас обоих или, еще хуже, свалит на меня вину за Колину травму. Я уверена, что он под-

страховался и припрятал расклепанное стремя. А вы сами заметили, что мотив у меня вроде как имелся.

– Глупости! – решительно отрезала я. – Никто в это не поверит... Чтобы невеста устроила своему жениху такое?!

– Так ведь никто не знал, что мы собираемся пожениться. Коля очень сплетен не любит, а у нас не коллектив, а сплошной гадюшник!

Я потихоньку начинала думать, что это мне одной так повезло с коллективом, и уже хотела высказать все, что у меня в душе накипело по этому поводу, но тут в комнату вошел Володя.

– Добрый вечер, – поздоровался он с Леной и хотел уже идти дальше, чтобы не мешать, так как я предупредила его, что буду общаться с героиней новогодней передачи, но вдруг остановился и замер. – Девушка, а я вас помню! Это ведь вы были на бегах в сентябре на такой красивой черной лошади? – Лена утвердительно кивнула, и Володя продолжил: – Я тогда на вас поставил и выиграл, ваша лошадь пришла первой, вот только не помню, как же ее зовут...

– Карина, – улыбнулась наездница. – А меня Лена.

– А это мой муж, Владимир, – поспешила вмешаться я. Нечего Володьке с таким восторгом пялиться на девчонку, когда рядом сидит законная жена. А когда жены нет рядом – тем более! – Кстати, дорогой, а расскажи-ка нам, как ты умудрился проиграть?

Володя сразу понурился, так что мне стало даже немного стыдно.

– Да я же тебе рассказывал уже. Сначала ставил по маленькой, выигрывал, а потом Виталька сообщил, что знает верную лошадь, нужно поставить много, тогда и выигрыш будет хороший, ну, я и поставил много и проиграл...

– А на кого вы ставили? – поинтересовалась Лена. – Не помните?

– Еще как помню, – сокрушенно вздохнул муж. – Я этого коня никогда не забуду, коричневенький такой... Веером его звали.

– Как же, как же, – Лена слегка поморщилась, так как мой супруг, видимо, как-то неправильно говорил, с ее точки зрения. – Веер прекрасный арабский жеребец-трехлетка, его родители – Вена и Ермак – замечательные животные. Я бы на вашем месте тоже на него поставила, если бы не знала, что у нас творится.

– А что у вас творится? – Володя обрадовался, что его пытать больше не будут.

– А то и творится, что половина заездов разыгрываются как по нотам, вместо нормального состязания. А вы много проиграли?

– Много, – снова сник муж. – Пять тысяч.

– Это вы так много на Веера поставили? – удивилась Лена.

– Да нет, не на него одного, только я забыл, как это называется...

Постепенно, общими усилиями мы вытянули из Володьки, как он ставил, что сумел столько проиграть. Лена очень помогла мне разобраться во всех этих премудростях, так как я сама совершенно не разбиралась в бегах и даже на ипподроме побывала первый раз только вчера.

Оказалось, что можно делать ординарную ставку, то есть выбирать какую-то одну лошадь из заезда, и она должна прийти первой. Можно ставить на двух лошадей, чтобы угадать, кто из них придет первой, а кто второй, и это называется последовательность. В этом случае выигрыш уже больше. И самая интересная ставка, на которой Володька и проигрался, – это триплет. Нужно угадать лошадей, пришедших первыми в любых трех последовательных заездах... Так вот, Веер как раз и испортил моему мужу этот замечательный триплет, придя чуть ли не последним.

– Помню я этот заезд, я тогда второй пришла, хотя должна была быть не более чем четвертой. Моя Карина уступает и Вееру, и Триумфу, и Ганимеду, и Карте.

– Пстой, Лена, – попросила я. – Насколько я помню, Триумф – это жеребец твоего Коли, так почему же он не пришел первым? Тебе уступил из вежливости?

– Ну что вы, – покраснела Лена. – В том заезде у Триумфа был другой наездник, Леня Ракушкин, а он прочно сидит у нашего директора в кулаке. Это для соревнований подбирают лошадь и наездника с максимальным соответствием друг другу, а на бегах как директор и тренеры конюшен распорядятся, так и будет.

Мы немного помолчали, а потом Володька высказался:

– Я так понимаю, Лена, что мой проигрыш – это вовсе не личная неудача, а подстроенный результат, да? Выходит, я зря на Витальку злился, что он мне неправильного коня посоветовал?

– Так все и есть, – грустно подтвердила девушка. – Как нас с Колей до сих пор не уволили – не понимаю... Ну ладно – Коля, он один из самых лучших наездников, только Казмину уступает, а я-то... так... – И она махнула рукой.

– Ну, нечего тебе самоунижаться! – я погладила Лену по руке. – Ведь тебя в Москву вместо Коли посылают, а не этого Казмина!

– Ох, ну зачем вы мне опять про эту Москву напомнили, – подсадовала девушка. – И так она у меня в печенках сидит! А Казмин сам отказался, потому что у него жена вот-вот должна второго ребенка родить, а так бы ни за что он такого шанса заработать не упустил! Ой, Ирина, я же вам еще кое-что хотела рассказать! Я когда увидела, что у Триумфовой сбруи стремя поменяли уже, то пошла в кузницу к Олегу Борисовичу, это кузнец наш, и спросила, кто приносил ему ее чинить. Так он сказал, что никто не приходил, понимаете?

– Нет, – честно призналась я.

– Ну как же! – всплеснула руками Лена, удивляясь моей непонятливости. – Ключи от кузни есть только у Олега Борисовича и у директора, понимаете? Получается, что или Олег Борисович врет, а я для этого повода не вижу, или...

Что «или», я уже и сама поняла. Милейший Виктор Дмитриевич оказывался по уши в дерьме.

– Так что же получается, Лена? – спросила я. – Теперь, выходит, никаких концов не найдешь?

– Один маленький хвостик все-таки есть, – обрадовала она меня. – Олег Борисович сообщил, что с утра он по своим делам отлучался, а в кузнице оставался тренер Колиной конюшни, Иван Терентьевич.

– Ты считаешь, что именно он подстроил Колино падение? – ужаснулась я. – А как хорошо разыграл с директором заботливого папашу!

– Если честно, то мне на него подумать трудно, он всегда к нам с Колей так хорошо относился, все советовал, чтобы мы с директором не спорили... Характер у него мягкий, не верю я, что это он.

– Тогда получается, что это ваш кузнец, – припечатала я. – Больше некому. И знаешь что? Нужно как-нибудь потихонечку обыскать кузницу, думаю, что испорченное стремя именно там.

– Вам легко говорить «потихонечку»! Да Олег Борисович постоянно там, попробуй уследи, когда в кузнице никого нет.

– Это я организую в ближайшие дни, – пообещала я. – Может, прямо завтра.

– А как? – спросила Лена.

– Пока не знаю, – ответила я, показывая Лене глазами, что не хочу говорить при муже, который и так как-то слишком подозрительно на меня посматривал. Умничка Лена все поняла и стала прощаться.

Когда я закрыла за ней дверь и вернулась в комнату, меня поджидал грозный муж во всей своей красе.

– Ирина, – строго начал он, – во что ты опять впутываешься?

– Ни во что я не впуталась, – как можно более беззаботным тоном ответила я и попыталась обнять мужа и заткнуть ему рот поцелуем, но ничего не получилось. Он от моих объятий уклонился и от немедленных поцелуев воздержался, что произошло на моей памяти впервые.

– Ирина, – строго повторил он, – тебе мало прошлого раза, когда тебя чуть не убили? Ты что, хочешь, чтобы я инфаркт раньше времени получил? Если ты о себе не думаешь, так хоть обо мне вспомни...

«Началось, – тоскливо подумала я. – И дернул же меня черт откровенничать с Леной при Володьке! Он же теперь меня запилит до смерти, пока не пообещаю держаться подальше даже от тени криминала. Лучше уж сделаю это прямо сейчас, пока он не успел еще окончательно разойтись».

– Володенька, – сладко пропела я. – Ну что ты себе вообразил всякие ужасы? Никого не убили, не ограбили, просто жених Лены случайно упал с лошади – с кем не бывает! – и сломал ногу, а девочке кажется, что это подстроили. Я же ее просто хотела поддержать и утешить...

– Ничего себе утешение! – возмутился муж. – Ты уже с головой ушла в расследование этого «случайного» падения! Думаешь, я не вижу? Немедленно пообещай мне, что прекратишь свою самодеятельность! Искать преступников должна милиция, а не телеведущая!

Я собралась уже сказать Володе, что в милицию пострадавший заявлять не станет, потому что боится, но вовремя прикусила язык. Подобное откровение действительно могло довести его до инфаркта. Пострадавший, видите ли, боится, а родная жена готова сунуться в это пекло! Я скромно потупила глазки и покорно произнесла:

– Ты прав, Володенька, как всегда, прав.

– Вот и умница, – сразу успокоился муж, обнял меня и поцеловал в висок.

А я подумала, что моему уму просто цены нет: и мужа успокоила, и врать не пришлось. Он, конечно, прав, но прекращать свое расследование я ему не обещала, вот так-то!

Несмотря на мои надежды, следующее утро выдалось просто изумительным. Если бы не необходимость тащиться с ноющим Павликом и переснимать сцену прихода Вероники на работу, я была бы совершенно счастлива, так как за ночь придумала, как обыскать кузницу, красиво обведя вокруг пальца кузнеца. Правда, для осуществления этого плана мне была необходима Костина помощь. Не хотелось, конечно, к нему обращаться, но ничего не поделаешь.

Пока мы с Павликом возвращались на телестудию, я рассказала нашему водителю все, что знала о закулисной части Колиного падения, свидетелем которого он был, и посвятила в детали своего плана. Самое интересное, что Костя нашел мой план весьма разумным. Это меня до крайности изумило. Конечно, я была уверена, что он согласится мне помочь в любом случае, но вот то, что обойдется в кои-то веки без критики, это уже можно было расценивать как самый крутой комплимент в моей жизни!

Само собой, Павлик тоже азартно включился в авантюру, так что я, премного собой довольная, отправилась в наш кабинет общаться с дамами, а мальчики потопали в операторскую просматривать запись.

– Доброе утро, Ирина, – Лера присовокупила к своему приветствию чашку горячего чая, за что я ей была очень благодарна. – Как прошла съемка?

– Павлик остался доволен, говорит, что теперь все в полном порядке. Сегодня Вероника подойдет к нам на студию, ты ее встреть, пожалуйста, и уточни все нюансы, чтобы сдать Евгению Ивановичу сценарный план до обеда.

– А вас разве не будет? – поинтересовалась Лера.

– Не будет. Через полчаса я еду на ипподром.

– А как же мы с Галиной Сергеевной? – немного обиделась Лера, привыкшая быть незаменимой.

– Сегодня я справлюсь там без вас, уж не взыщите. И вообще, ты мне необходима здесь, а Галина Сергеевна... Кстати, где она?

– Еще не появилась, она обещала Веронике привезти из своих запасов какую-то блузку.
– Ну вот видишь. Вы обе остаетесь. – Увидев, что губы Леры поджимаются уж совсем обиженно, я поспешила слегка загладить свою вину: – Честное слово, Лерочка, я очень быстро вернусь и все вам расскажу. Тем более что ничего, связанного с передачей, я там делать не буду.

– Это-то и обидно, – вздохнула Лера, но обижаться перестала.

Я подсела к телефону и набрала номер директора ипподрома.

– Виктор Дмитриевич? Доброе утро, вас беспокоит Лебедева из «Женского счастья».

– Ирина Анатольевна, – раздался в трубке более чем любезный голос директора, – чем обязан?

– Видите ли, мне пришла в голову мысль расширить тему нашей передачи и сделать ее не только о Лене Серединой, а об ипподроме в целом. И уж конечно, о его директоре. На меня большое впечатление произвели те изменения, которые произошли с ипподромом под вашим руководством. – Я разливалась соловьем, будучи уверена, что директор нашу передачу не смотрит, поэтому понятия не имеет, что нам такая тема в принципе не подходит, так как к женскому счастью отношение имеет сугубо косвенное.

Виктор Дмитриевич слушал меня и млел от комплиментов. Я умею быть ужасно обаятельной, если это нужно для дела, в особенности мне лично. Так что через пару минут директор был согласен водить меня по ипподрому хоть целый день. Ну, столько времени мне было не нужно, мы с Костей и Павликом вполне управимся за час.

Едва я успела положить трубку, как в дверь заглянул Павлик. С тоской покосившись на любимое кресло, он махнул мне рукой, мол, можно ехать, и попросил захватить новый пластиковый пакет. Лера с готовностью мне его предоставила из своих запасов, желая хотя бы таким минимальным образом поучаствовать в расследовании.

Всю дорогу Павлик болтал без умолку, а Костя, напротив, был молчалив и собран. Вообще-то, он и так не отличается никогда разговорчивостью, зато был надежен, как Альта-трас.

Виктор Дмитриевич встретил нас у входа, повелительно глянул на Павлика, который сразу же включился в игру и полез за камерой. И началось!.. У меня сложилось такое впечатление, что директор уже давно репетировал роль державного мужа и теперь решил оттянуться на всю катушку. За двадцать минут мы практически не продвинулись к интересующему меня месту, зато вдоль и поперек прочесали административное здание, знакомясь с управленцами и слушая дифирамбы спонсорам. Пора мне было брать бразды правления в свои руки, иначе нам не только часа, суток не хватит!

– Виктор Дмитриевич, – мягко положила я ладонь на сгиб его руки, как только дождалась первой паузы в потоке красноречия директора, – все это, безусловно, интересно, но наша аудитория в основном женская, так что давайте посмотрим, как у вас обстоят дела с хозяйственной частью. Как обустроены лошади, как за ними ухаживают, лечат, где приводят в порядок лошадиную, так сказать, одежду, то есть я имею в виду все эти седла, уздечки...

– Вы хотите взглянуть на наши мастерские и кузню? – кинул директор на мою наживку. – Идемте, конечно, идемте!

Я внутренне ликовала, надеясь, что после того, как мы провернем свое дельце, уж как-нибудь сумеем избавиться от дальнейшего глобального изучения устройства ипподрома.

Когда мы наконец-то добрались до кузницы, начался самый ответственный момент выполнения моего плана. Мы с Павликом должны были обеспечить Косте хотя бы десять минут, в течение которых кузня будет полностью в его распоряжении. Я слегка напряглась, так как пока еще не представляла себе, как общаться с тем самым кузнецом Олегом Борисовичем. В голове только вертелась дурацкая фраза из фильма: «А зачем нам кузнец? Кузнец нам не нужен».

Выручил меня Павлик. Он быстренько прошелся с камерой по кузне, потом обратился ко мне, прервав монолог директора, который вещал о благородной, освященной веками деятельности кузнеца, не давая тому вставить ни одного слова:

– Ирина Анатольевна, света маловато. Давайте продолжим запись на улице. У Олега Борисовича лицо фактурное, они вместе с Виктором Дмитриевичем выигрышно смотрятся, женщинам понравится.

Вовремя ввернутая фраза про женщин сработала. Директор как миленький потопал вон, таща с собой на буксире кузнеца. Павлик постарался увести нас всех как можно дальше от кузни, аргументируя свои действия все тем же освещением. Олег Дмитриевич хмурился, но терпеливо сносил все придирки нашего оператора. Я мило улыбалась и поддакивала.

Эту комедию мы ломали минут пять, затем я пристала к кузнецу с просьбой рассказать, как он выбрал для себя столь экзотическую для нашего времени профессию. Тот забубнил что-то о преемственности поколений, но я плохо слушала, что он там несет, лишь кивала время от времени с приклеенной улыбкой на лице. Что-то Костя задерживается... Уф, вот наконец и он выходит и делает мне знак, что все в порядке. Удалось, пора заканчивать.

Я милостиво отпустила Олега Борисовича восвояси, снова сосредоточилась на директоре и позволила ему увести себя к конюшням. Вот тут мне и самой стало интересно, к тому же лошади такие обаятельные создания! Получать удовольствие, глядя на этих грациозных животных, мне не мешал даже продолжавший распрягаться директор. Однако долго любоваться мне не пришлось.

– Ирина Анатольевна, – Павлик скорчил проникновенную рожу, – придется прервать съемку. Что-то с камерой...

– Павел, – укорила я его, – ну как же так? Виктор Дмитриевич такой занятой человек, а нам теперь придется еще раз его беспокоить.

Павлик покаянно вздохнул, а директор принялся меня успокаивать, напоирая на то, что ради нас отложит любые дела и готов принять столько раз, сколько потребуется. В ответ я рассыпалась в любезностях, и с этими китайскими церемониями мы дошли до нашей машины, еще раз тепло попрощались и наконец-то отбыли.

– Ну что там? – накинулась я на Костю, как только ипподром скрылся за поворотом. – Не томи, Костя!

– Все в порядке, Ирина Анатольевна, по-моему, я нашел то, что требовалось. – С этими словами он вытащил из кармана завернутое в пластиковый пакет стремя. – Здесь прекрасно видны следы того, как над ним поработали, видите?

Я взяла пакет в руки и принялась разглядывать стремя сквозь пленку. Действительно, даже на мой женский неискушенный взгляд было видно, что упор не мог сам собой прийти в такое состояние, ясно были видны ярко отблескивающие следы свежего металла, которые могли возникнуть только под действием какого-нибудь инструмента. Павлик тоже глянул, с уверенностью опознал стремя и подтвердил мои выводы. Я ликовала. Теперь у нас есть не только видеозапись Колиного падения, но и неопровержимая улика того, что оно было подстроено.

Мои восторги охладил Костя:

– Зря вы так радуетесь, пострадавший-то не хочет писать заявление.

– Значит, нужно его уговорить! – отрезала я, не собираясь сдаваться. Откуда Косте было знать, что в этом деле у меня свой интерес, помимо расследовательского зуда. – Сегодня вечером договорюсь с Леной и съезжу к нему в больницу.

– Может быть, вас отвезти? – поинтересовался Костя и туманно добавил: – А то мало ли...

– Костя! – отмахнулась я. – Ну что может случиться со мной в больнице? Коля в пылу полемики костылем обогреет? Так он еще, скорее всего, не встает. И вообще, в случае чего меня Лена, его невеста, защитит.

– Вам виднее, – пожал плечами Костя.

Глава 4

Войдя в кабинет, я позволила себе небольшой момент триумфа. С видом победителя взираю на своих дам и молчала, устроив паузу Станиславского секунд на двадцать.

– Павлик, – не выдержала Галина Сергеевна и обратилась к оператору, успевшему оккупировать свое любимое кресло, с которым был разлучен все утро: – Она теперь всегда будет молчать и ходить с таким лицом?

– Не буду, – прекратила я издеваться.

– Слава богу, – съехидничала Галина Сергеевна. – А то я подумала, что ты на время забыла о том, что у нас давным-давно началась эпоха звукового кино.

– А может быть, Ирина решила закончить карьеру ведущей? – Это уже Лера, язва этакая!

– Все-все, считайте, что отомстили, – попыталась я утихомирить расходившихся коллег. – Начинаю рассказывать, а то над всеми нами нависла угроза лопнуть: вам – от любопытства, а мне – от желания поделиться.

– Ты рассказывай, – потребовала Галина Сергеевна, – хватит тут изощряться в остроумии. А то я тоже обижусь и не скажу тебе, как воспринял шеф наш сценарный план.

– Убедили. Так вот, я задумала, мы осуществили, причем с блеском, план по добыванию вещественного доказательства того, что Коля упал не случайно. Вот, смотрите!

С этими словами я вынула из сумочки упакованную в пакет улику и представила ее на всеобщее обозрение. Когда дамы насладились видом раскуроченного стремени, то потребовали полноценного пересказа событий, так как слишком лаконичный стиль моего изложения их отнюдь не удовлетворил. И я с радостью подчинилась, не упустила ни одной занимательной мелочи и до небес превознесла находчивость Павлика, чье эго изрядно пострадало после гадания Анны.

Лера и Галина Сергеевна остались мною довольны и милостиво передали мне благостную рецензию шефа на наш план. Он только велел добавить в начало передачи такой малюсенький кусочек, где я на фоне центрального магазина генерального спонсора нашей программы и снующих туда-сюда людей распинаюсь о новогодних подарках. Возражений у меня не нашлось, потому что спонсоры – это такие специальные люди, которые дают деньги, когда их всячески хвалят, так что капелька дополнительной лести не повредит. И трудов нам особых не составит, так как магазин спонсора находится по соседству с магазином, где работает Вероника. Можно будет сначала немножко потрепаться на фоне нужного объекта, а потом плавно перейти к уже отснятому нами сегодня материалу. Только Павлик недовольно хмыкнул – снова работать придется бедняжке, а я настолько горела энтузиазмом, что готова была ехать хоть сейчас.

Тут Павлик окончательно уперся рогом и заявил, что никакая сила не сможет извлечь его из кресла до окончания обеда. Я смирилась с этой неизбежной проволочкой. Времени у нас еще в запасе было много, сегодня только среда, а передача в пятницу вечером, можно и посидеть спокойно, съесть что-нибудь вкусенькое. В последнее время вся моя работа в основном проходит на свежем воздухе, что невероятно способствует аппетиту.

Уже дожевывая пирожок, я вспомнила, что нужно связаться с Леной и сообщить ей о результатах моей деятельности, а заодно узнать, как там дела у Коли. Лера вызвалась сделать это вместо меня, на что я возражать не стала. Пусть девочка хоть немного порадует своей причастности к благородному делу выведения преступников на чистую воду.

Через несколько минут она уже информировала меня, что Лена наша новость порадовала и перед визитом к Коле она зайдет за мной к концу рабочего дня.

– Что у нас дальше? – обратилась я к Галине Сергеевне. – Как там Вероника?

– Все даже лучше, чем я ожидала. Она прекрасно смотрится на экране, сегодня забегала, сделав прическу и макияж так, как я ей посоветовала. Нервничать перед публикой вроде не

должна, так что все в ажуре. Кстати, вам завтра с Павликом надо будет заехать к ней вечером домой, заснять вас вдвоем на ее кухне, в бытовой, так сказать, обстановке.

– Опять сверхурочная работа! – взвыл оператор. – Не бережете вы меня совсем!

– Ничего с тобой не сделается, – оборвала его жалобы Лера. – Давай поднимайся, вам еще сейчас с Ириной ехать!

Павлик с нарочитым оханьем и кряхтеньем встал и уныло поплелся одеваться. Галина Сергеевна решила прекратить весь этот цирк, заявив, что если Павлик будет продолжать в том же духе, то ни одна женщина не захочет связываться с таким паралитиком.

– Это он со мной паралитик, – ехидно прокомментировала я. – А с другими – орел! Откуда что берется!

Впрочем, Павлик зря причитал, справились мы довольно быстро, даже на сей раз не нашлось ни одного идиота, чтобы влезть из-за моей спины в камеру и своими ужимками испортить съемку. Хотя, в принципе, если рядом с Павликом маячит угрюмая Костина физиономия, мало находится людей, желающих развлечься таким образом.

Оставшаяся часть рабочего дня прошла в мелких, но неизбежных хлопотах, которые меня слегка утомили, но наполнили чувством законной гордости за свой коллектив, где каждый занимал свое место и всегда был готов прийти на помощь другому. Что бы я без них всех делала?

Лена появилась, как и обещала, к шести часам. Когда мы с ней выходили из телестудии, то обнаружили, что перед дверью нас ждал приятный сюрприз в виде Кости, опиравшегося на дверцу машины. Этого мне еще не хватало! Он ведь меня еще и домой везти соберется, чего доброго! Я уж вознамерилась решительно отчитать непрошеного помощника, но, услышав, куда нам надо добираться, смирилась, из двух зол выбрав меньшее. Нет, Костя, конечно, очень обаятельный человек и польза от него несомненная, но вот давать ему лишний повод для проявления опеки надо мной очень не хочется. Да и Володя Костю интуитивно не любит, зачем же мне расстраивать любимого мужа?

Колю наше появление обрадовало, чувствовал парень себя относительно неплохо, настолько, насколько может себя чувствовать человек со свежим переломом бедра. Он лежал на кровати с загипсованной ногой, но, увидев нас с Леной, разулыбался и подтянулся на руках, чтобы изобразить сидячую позу. Я невольно залюбовалась этими милыми ребятами, настолько красивой парой они были. Однако умиляться будем после, сейчас нам предстоит серьезный разговор, а Лена все еще мнется, заговаривая парню зубы предстоящим участием в передаче.

– Коля, – решительно встряла я в их разговор, – Лена ведь вам уже сказала, что наш оператор заснял ваше падение?

Парень кивнул, сразу посерьезнев.

– А сегодня мы нашли то самое злополучное стремя. Это ведь, как вы понимаете, неопровержимое доказательство преступного умысла против вас. По отпечаткам пальцев милиция легко найдет того, кто это сделал. Вот, посмотрите сами.

– Я не буду обращаться в милицию, – упрямо повторил Коля, повертев в руках пакет и возвращая его мне.

– Но почему?! – моему изумлению не было предела.

– Да потому что милиция, конечно, легко найдет того, кто испортил мне стремя, а толку от этого будет ноль. Никто ведь не признается, что его заставили или подкупили, а я не хочу, чтобы посадили кого-то из наших ребят из-за того, в чем они не так уж и виноваты. И потом, сомневаюсь, что остались отпечатки пальцев. Зимой с металлом голыми руками никто работать не станет, так что, сами понимаете...

– А если это сделал ваш кузнец? – не сдавалась я. – У него-то в кузнице тепло, он без перчаток работает!

– А вы думаете, что это он? – засомневался парень.

– Лена, скажи ему, – попросила я.

Девушка пересказала жениху свой разговор с Олегом Борисовичем.

– Не думаю, что это он, – покачал головой Коля. – Олег Борисович врать не станет. Но и тренер наш слишком мягкий человек, чтобы подстроить мне такую пакость. Лена, а ты с Терентьичем сама говорить на эту тему не пробовала?

– Нет еще, не успела, он все время занят был, никак его одного застать не удавалось, завтра попробую.

– Так, значит, вы согласны написать заявление? – обрадовалась я.

– Нет, – снова сказал Коля. – Я боюсь за Леночку. Вы просто плохо себе представляете, какие деньги крутятся вокруг бегов. За такие суммы не то что покалечить, запросто убить могут.

– Хорошо, – не сдавалась я. – Тогда я сама буду расследовать это дело по своим каналам. И вы меня не остановите.

– Да вам-то это зачем? – удивился Коля. – Вы ведь не пострадали!

– Зато муж мой пострадал на этих ваших бегах, а я осталась без микроволновой печки! – уперлась я, наконец-то найдя виноватого, которого буду теперь ненавидеть всеми фибрами души.

– Хорошо, – сдался Коля. – Только я вас очень прошу, будьте осторожны. Ведь, пока я здесь валяюсь, вам помочь ничем не смогу.

– Не беспокойтесь, помощники у нас есть. В особо страшные места соваться не придется.

– Надеюсь.

На этой оптимистической ноте я попрощалась с ребятами, так как Лена собиралась еще побыть с Колей. Костя отвез меня домой, хорошо еще, что не стал подъезжать прямо к подъезду, а высадил немного поодаль. И так я опасалась глазастых старушек, которые любят по своей доброте душевной выдавать всем желающим и не очень свои бредовые измышления за истину в последней инстанции. Слава богу, что в последнее время развелось так много сериалов, которые разгоняют всю эту не по возрасту шуструю братию по домам и заставляют приникнуть к голубым экранам. Иначе моя популярность сыграла бы со мной злую шутку. Соседки меня знают в лицо, всегда норовят не только поздороваться, но и завязать беседу, чтобы обсудить, что, по их мнению, я сделала не так в очередной передаче, и нейтрализовать их активность бывает страшно тяжело.

Володя встретил меня с немым укором в глазах, так как, памятуя о разговоре, свидетелем коего стал вчера, успел напридумывать себе всяческих ужасов, которые непременно должны были случиться с его неугомонной женой. Я посетовала на замотанность, которой объяснила свою забывчивость, и извинилась, что не позвонила и не предупредила мужа о том, что задержусь. Супруг успокоился и повел меня кормить, попутно рассказывая, что произошло у них на кафедре.

Университетские сплетни вещь занимательная, не спорю, но сегодня вечером моя голова была занята несколько другой темой. Я думала, что предпринять дальше, и настолько глубоко задумалась, что чуть не пропустила Володино сообщение о премиальных, каковыми его решили поощрить за беспорочную службу.

– Так что, Ириша, не так все плохо, как ты думала, – гордо сказал муж. – Вполне возможно, что мы успеем до Нового года купить твою микроволновку.

Ну, честное слово, такая заботливость нуждалась в поощрении с моей стороны, чем я сразу и занялась, перебравшись на колени к Володе и нежно его целуя. Мужа надо любить, лелеять и холить, чтобы он долгие годы надежно функционировал и не хандрил. Это мой основной рецепт счастливой семейной жизни, который я могу смело рекомендовать другим женщинам.

* * *

На следующее утро первой проснулась я, так как Володе надо было идти только ко второй паре. Быстренько убавила звук стереосистемы до минимума, чтобы не разбудить мужа и лишний раз не провоцировать его ворчание по поводу надоевшей классики. Это, конечно, уже превратилось в милый семейный ритуал, не несущий в себе никакого негатива, но все-таки...

Я привела себя в порядок и, как образцово-показательная жена, успела приготовить вместо успевшей поднаесть яичницы аппетитные горячие бутерброды. Во время возни с глубокой сковородой и решетчатой подставкой я в очередной раз посетовала, что у меня нет чудесной микроволновки, которая так убыстрила бы мне этот процесс.

Муж проснулся, когда я уже оделась и готовилась выйти из дома. Но ради того, чтобы поцеловать Володю, тем самым доказав ему, что жизнь рядом со мной прекрасна и удивительна, я задержалась еще на пару минут. В конце концов, Галина Сергеевна опаздывает каждый день, а мне что, запрещено? Да и опоздание будет совсем незначительным, если повезет с транспортом.

С транспортом не повезло, случилась обесточка троллейбусной линии, но меня это не расстроило, так как мое опоздание укладывалось в пятнадцать минут, которые можно расценивать всего-навсего как задержку. Однако Лера не преминула съязвить:

– Что-то мне кажется, Ирина, что Галина Сергеевна на вас плохо влияет, вы не находите?

– Не нахожу, – с преувеличенной серьезностью ответила я ей. – Вот когда сама выйдешь замуж, тогда поймешь, почему опаздывают на работу семейные женщины.

– Никогда! Для меня работа всегда останется на первом месте, – парировала Лера.

– Будущее нас рассудит, – с пафосом произнесла я и уселась в кресло, которое пока еще оставалось свободным.

– Кто тут говорит о будущем? – спросила Галина Сергеевна, которая как раз этот момент выбрала для того, чтобы появиться на рабочем месте.

Я тут же изложила ей суть наших с Лерой препирательств, и Галина Сергеевна меня полностью поддержала. Под нашим двойным напором Лере пришлось сдаться и согласиться с небезызвестным постулатом о том, что каждому человеку свойственно со временем меняться. Хотя, как мне показалось, наша упрямыца все равно осталась при своем мнении и согласилась только для того, чтобы мы от нее отстали.

Немного успокоившись после обсуждения чисто женских проблем, мы вдруг обнаружили, что как-то само собой получилось, что делать в настоящий момент нам считай что и нечего. Завтрашняя передача была практически готова, а мелкие штрихи, как всегда, дорисуются в процессе. Мне такое положение вещей было только на руку, так как я собиралась пообщаться с Валеркой Гурьевым на предмет помощи в моем что-то забуксовавшем расследовании. Я отправилась в его рабочий кабинет и застала-таки этого типа на месте.

– Валера, мне нужно с тобой пообщаться, – вместо приветствия доложила я с порога.

– Так-так-так, – ехидно ухмыльнулся он. – Бабы посиделки опять сунули свой длинный нос туда, где им его могут укоротить.

– Все-таки ты хам, Валерка, – демонстративно оскорбилась я. – Приходишь к тебе как к другу, а ты...

– А к другу так не приходят! К другу приходят со словами типа того, не желает ли онный друг стать, например, непосредственным участником семейного ужина. Понятно тебе?

– Не дожدهшься, – отрезала я. – Мне не так уж много от тебя нужно, чтобы приглашать на ужин.

– Ладно, – вздохнул он. – Окажу тебе безвозмездную помощь, но знай, в моих глазах ты сильно упала!

– Переживу, – отмахнулась я. – Некогда мне сейчас ужины устраивать, дел по горло. Вот разгребусь немного, тогда, может быть, мы и вернемся к этой милой твоему сердцу и желудку теме.

– Ну, хоть что-то я из тебя вытянул, – удовлетворенно улыбнулся Валерка. – До полноценного обещания, конечно, далеко, но... Короче, излагай, зачем пришла.

– Излагаю.

И вкратце я поведала ему историю ипподромного происшествия, попросив совета:

– Как думаешь, в каком направлении дальше копать?

– Ты пока подожди за лопату хвататься, – огорошил он меня нестандартным ответом. – Неровен час, саму закопают. Это на первый взгляд только кажется, что ты такая умная и ловкая, а случиться может всякое.

– Да что вы все меня пугаете? – не выдержала я. – Ладно муж, ему по статусу положено за меня бояться, а ты-то? Я у тебя совета прошу, а не предостережений!

– Считай, что главный совет я тебе уже дал, – совершенно серьезно сказал Валера. – Ты подожди, пока тебе твоя наездница принесет что-нибудь после разговора с тренером, а я кое-что разведую по своим каналам. Потом обменяемся информацией. Договорились?

Я видела, что Валерка страшно заинтересовался этим делом, так как учуял крупную поживу для своей криминальной хроники, но делиться со мной сведениями пока не собирается. Что ж, подождем, Лена все равно мне первой все расскажет, а не ему, так что расколется как миленький. На этом мы и распрощались.

Я вернулась в свой кабинет, поздоровалась с появившимся Павликом и предложила народу поработать над окончательным вариантом сценарного плана для новогодней передачи. Все согласились, что это имеет смысл, так как добавит нам очков в глазах шефа и сделает его туманное обещание насчет премии более явным.

До обеда мы упорно трудились, пока к нам в кабинет не ворвалась Лена, по лицу которой было видно, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Лера тут же выгнала Павлика из кресла и усадила туда Лену, всучив ей стакан с минеральной водой. Немного отдышавшись, девушка заговорила:

– Я сегодня специально пришла раньше всех, чтобы застать нашего тренера одного и поговорить с ним. И случайно подслушала, как он разговаривает с Виктором Дмитриевичем. Честное слово, я ужасно испугалась, что они меня заметят, когда поняла, о чем они разговаривают! Они обнаружили пропажу стремени, директор страшно ругался с Терентьичем, требовал не спускать с меня глаз и все выспрашивал тренера, не догадался ли о чем-нибудь Олег Борисович. Я стояла ни жива ни мертва, пока они не закончили говорить и не ушли, потом тихонько проскользнула к Карине и, когда тренер вернулся, сделала вид, что только что пришла. Он на меня так подозрительно посмотрел, что пришлось тащить его к Триумфу и без умолку болтать о том, как я боюсь предстоящей поездки. Кажется, мне удалось его провести, и он в конце даже начал со мной разговаривать, как прежде, утешал и подбадривал, советовал подробнее расспросить у Коли о повадках его любимого жеребца. А потом Терентьич сообщил, что меня вызывает Виктор Дмитриевич... – Лена сделала паузу, чтобы глотнуть воды, и продолжила:

– Знаете, и он тоже был какой-то подозрительно ласковый, только глаза злые...

– Жаль, что у тебя не было с собой диктофона, – посетовала я, перебив девушку.

– Так без толку было бы записывать, – махнула она рукой. – Виктор Дмитриевич спросил меня с такой выразительной интонацией, как я сама оцениваю свои шансы на «Русской зиме». Пришлось ответить, как договаривались, что выше четвертого или пятого места мне не прыгнуть. А он так обрадованно ответил, что четвертое и даже пятое место – уже очень хорошо для наездницы моего уровня, и он рассчитывает, что я свое обещание сдержу.

– Хитер мужик, – вздохнул Павлик. – Такого просто так не прижмешь.

– Да, – протянула я. – Слов нет, обе беседы крайне любопытны, только нам с них никакого толку. Лена, а может быть, были еще какие-нибудь интересные зацепочки в разговоре тренера и директора?

Девушка наморщила лоб и зашевелила губами, пытаясь восстановить в памяти все услышанное, потом выпалила:

– Вспомнила! Виктор Дмитриевич спросил у тренера: «Ты понимаешь, что будет, если она узнает, как мы лопухнулись?» – а тот ответил: «Да все я понимаю». Потом директор помолчал и сказал: «Если что-то выплывет наружу, *ей-то ничего не будет*, а вот мы с тобой вряд ли уцелеем». А как раз после этого он и попросил тренера глаз с девчонки, то есть с меня, не спускать. Так что я думаю, что *эта самая, которой ничего не будет*, и есть главная организаторша.

Ничего себе зацепочка! Только и стало ясно, что во главе этой шайки-лейки стоит какая-то женщина. А где ее искать? Во всяком случае, Лена теперь должна держаться с удвоенной осторожностью и никуда больше не соваться.

Мы, как смогли, успокоили девочку, посоветовали Коле ничего этого не рассказывать, чтобы не волновать парня понапрасну, и проводили к жениху в больницу. Лера даже отсыпала Лене часть своих беличьих кормов, уверяя, что все это способствует укреплению костей и быстрому их срастанию.

– Вы знаете, – заговорила Галина Сергеевна, как только за Леной закрылась дверь, – я думаю, что эта женщина – жена какого-нибудь арабского шейха.

– С какого перепугу? – брякнула я, так как такая версия показалась мне верхом бреда, прямо-таки его апофеозом.

– Ну как же, – начала вещать Галина Сергеевна, – у арабов всегда были самые лучшие кони, вы же все знаете, что Триумф этот самый – арабский жеребец.

– Ну и что? – продолжала удивляться я.

– А то, что если он придет на соревнованиях не первым, то эта самая жена шейха сможет купить его гораздо дешевле. И вообще, почти все террористы – арабы, а в мире сейчас очень нестабильная политическая обстановка, – победно заключила она.

– Господи, ну при чем тут арабские террористы, жены шейхов и политическая обстановка?

– Да все же ясно как белый день! Если жена шейха купит по дешевке нашего коня, а потом он у нее станет показывать отличные результаты, то пресса на весь мир раструбит, что русские ничего не смыслят в лошадях и вообще продают направо и налево все, что под руку подвернется. А это ослабит нашу позицию в борьбе с терроризмом!

Да, логика убийственная, ничего не скажешь. Я с трудом удержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска. При всем моем уважении к Галине Сергеевне я спокойно отношусь к ее не в меру оригинальным идеям, но что она может измыслить подобное, я себе даже и в страшном сне представить не могла. Это же полное безумие! Хорошо, что рядом всегда есть Лера, которая, выбрав себе факультет социальной политологии или политической социологии – никак не могу запомнить! – обязана быть в курсе обстановки в мире. Она за пять минут камня на камне не оставит от версии Галины Сергеевны.

Мой прогноз оказался слишком оптимистическим. Лере понадобились целых пятнадцать минут и наша с Павликом помощь. Галина Сергеевна сдалась, но жутко на нас обиделась и удалилась в буфет в гордом одиночестве. Ничего, скушает пирожное и успокоится, она дама отходчивая.

Павлик с Лерой тоже меня покинули, так как наступило время обеда и они решили прогуляться в кафе. Звали и меня с собой, но я отказалась, так как хотела подумать и увидаться еще раз с Валеркой. Вполне возможно, что он уже успел вернуться и принести на хвосте интересные новости.

Оказалось, что я зря надеялась на скорое его возвращение, Гурьева нигде не было, и никто не знал, когда он появится. Оставалось усесться поудобней и размышлять в одиночестве. Ничего, это я тоже умею, причем вполне неплохо, тем более что тема была самая благодатная: столько всяких фактов, все увязывается, а главного-то и нет!

Все мои мысли, естественно, вертелись вокруг той самой мифической женщины, которую упомянул в разговоре с тренером директор. Что-то такое мелькало у меня на краю сознания, вот только никак не могла я сообразить, что именно. Словно имелся у меня намек на какую-то женщину в связи с директором, а вот какую именно – вспомнить не получалось. Ведь не его же это жена, в самом-то деле? Тем более что она горячая поклонница нашей передачи.

Нет, я, конечно, ничего плохого о «Женском счастье» сказать не могу, так как сама принимаю самое заинтересованное непосредственное участие в его создании, но мне всегда казалось, что женщина серьезная, тем более кандидат в главари мафии – не мафии, но преступной группировки, – это уж точно, такую передачу смотреть не станет. Ей надо быть поклонницей чего-нибудь вроде фундаментальной программы «Политика и бизнес» или, на худой конец, Валеркиной «Криминальной хроники». Нет, эта женщина – явно не жена директора.

Вернулись мои коллеги, сытые и благодушные, а я так ничего и не придумала, только поняла, что успела проголодаться от интенсивных умственных усилий и начинаю мучительно завидовать своим более сообразительным сотрудникам, которые использовали обеденный перерыв по его прямому назначению. Пришлось выпросить у Леры горсть орехов и заглушить ими настойчивые просьбы желудка.

Пока я изображала белочку, Лера и Галина Сергеевна довели до ума план последней передачи в уходящем году и отнесли его шефу. Евгений Иванович окончательно растрогался и твердо пообещал нам всем премию, на что, собственно, мы и рассчитывали. А неугомонная Галина Сергеевна взяла такой разгон, что предложила до конца дня доработать и план передачи с Анной, единолично решив, что самое удачное время для нее – канун Рождества. Дескать, самое время для гаданий и предсказаний, лучше и придумать нельзя.

Мы с Лерой ее энтузиазма не разделяли, но подчинились, а я подумала, что до вечерней поездки к Веронике домой еще успею навестить саму Анну, чтобы показать ей наши прикидки.

Коллеги милостиво меня отпустили, дав напутственное пожелание дорогой подкрепиться поосновательней, так как они не хотят лишиться своей самой ценной сотрудницы. Их комплимент бальзамом пролился на мое сердце, и я поспешила откланяться, пока они не передумали и не припрягли меня к своей упряжке. Я ведь больше люблю с людьми общаться, чем заниматься бумажной работой.

Глава 5

Добралась я до дома Анны без приключений, так как плюнула на свой служебный проездной и воспользовалась маршрутным такси, которые в последнее время расплодились в Тарасове, облегчая людям жизнь и давая возможность без нервотрепки доехать в нужное место.

Хозяйка квартиры встретила меня радушно, но предупредила, что располагает ограниченным временем, так как ждет визита. Я в свою очередь заверила ее, что долго не задержусь, так как мне нужно еще успеть вернуться в студию.

Комната Анны за два дня после вторжения нашей съемочной группы никаких изменений не претерпела, только на столике теперь наличествовал довольно внушительных размеров хрустальный шар, покоившийся на ажурной, скорее всего, серебряной подставке. Увидев, что я заинтересовалась этим предметом, Анна решила пояснить:

– Я пользуюсь им для настройки, когда нужно увидеть более четкие картинки будущего.

– Куда уж четче! – невольно вырвалось у меня.

– Это вы о чем? – осведомилась она.

– О том, что ваше предсказание по поводу лошади сбылось в тот же вечер.

– Вот видите, – удовлетворенно ответила Анна, – а ваши коллеги сомневались.

– Еще бы им не сомневаться! Я и сама не сразу поверила в ваш дар, слишком все это необычно.

– Ничего необычного в этом нет. Просто вы очень открытый человек, поэтому легко читать ваши мысли. Вот, например, сейчас вы думаете не только о разговоре со мной, а еще и о какой-то мучающей вас загадке.

– Верно, – я настолько удивилась, что чуть было не стала выкладывать Анне продолжение истории Колиного падения, о которой она знала с прошлого раза, но почему-то сдержалась и вернулась к теме нашей будущей передачи. – Но давайте все-таки мы с вами вернемся к нашему плану. Нужно сделать кое-какие видеовставки с вашим участием. Галина Сергеевна предлагает заснять нас с вами прогуливающимися по набережной и беседующими о вашей жизни. Вы будете говорить примерно то же самое, что рассказали нам при первой встрече.

– Хорошая идея, – согласилась женщина. – Что еще?

– Было бы очень неплохо показать какие-то рабочие сценки из вашей практики, хотя понимаю, что это довольно деликатный момент. К тому же у вас настолько не живописная квартира, что я несколько теряюсь, что тут можно придумать. С одной стороны, нарочитые магические прибауты всем приелись, но с другой... Вы меня понимаете?

– Понимаю и постараюсь что-нибудь придумать. Тут ведь проблема еще в том, что все мои занятия не сопровождаются визуальными эффектами, на которые так падки зрители. Знаете что, может быть, вам имеет смысл снять меня во время занятий йогой? Даже могу ради вас заняться приготовлением пищи в какой-нибудь замысловатой и неудобоваримой позе. Выглядит вполне эффектно, особенно если учесть мой возраст.

– А можете прямо сейчас это показать? – загорелась я.

– Идемте на кухню, – усмехнулась Анна. – Сварю вам кофе.

То, что мне продемонстрировала Анна, было и в самом деле зрелищем эффектным. Такие трюки редко увидишь даже в цирке, особенно принимая во внимание тот факт, что Анна сообщила мне, что заниматься совершенствованием своего тела начала только после тридцати пяти, когда почувствовала, что организм начинает истощать свои природные резервы, а до этого пренебрегала даже утренней гимнастикой.

Одним изящным махом она перевела назад правую ногу и, перебросив левую руку через голову, успела ухватить себя за носок, по-кошачьи прогнувшись в спине. Ее поза немного напоминала пируэт Денис Бильман, известной в свое время фигуристки, только была, естественно,

статичной. Именно в этой позе Анна и принялась готовить кофе, мастерски сохраняя равновесие и передвигаясь по кухне какими-то скользящими, почти незаметными прыжками. При этом она не переставала улыбаться и говорить.

Честное слово, мне было трудно поверить тому, что практически любая женщина после пары лет тренировок сможет повторить подобное. Интересно, подумала я, а Лера в прошлый визит именно поэтому вышла из кухни Анны с круглыми глазами? Оказалось, что нет. Просто Анна открыла шкафчик и принялась насыпать в джезvu кофе по шепотке из примерно пятнадцати различных баночек. Такого причудливого рецепта и я еще не знала! И даже о секрете расспрашивать не стала, лучше подружусь с хозяйкой и буду изредка приходить к ней в гости на чашку кофе.

Между тем Анна сама взялась меня просвещать:

– Видите ли, Ирина, почувствовать все богатство вкуса кофе можно лишь в том случае, если смешивать разные сорта, и чем больше этих сортов, тем вкуснее получается напиток. А вот всякие другие добавки я не использую: ни соль, ни корицу, ни гвоздику, ни черный перец. Все эти излишества глушат настоящий вкус.

– Совершенно с вами согласна, – потрясенно вымолвила я.

– А готовить кофе нужно обязательно в джезве, электрические кофеварки, конечно, удобнее, но вкус все-таки теряется.

Ну, мне до таких тонкостей далеко, я и растворимым иногда не брезгую. Хозяйка закончила священнодействовать и позволила наконец своему телу вернуться в нормальное положение. Мы вернулись с ней в комнату, и я, прежде чем продолжить нашу беседу, с благоговением отпила крохотный глоточек изумительного напитка.

– Анна, вы меня потрясли, но этих кадров будет недостаточно, нужно еще что-то. У вас не появилось каких-нибудь идей?

– Думаю, что могу продемонстрировать сеанс гадания на картах с одной из своих приятельниц. Она вечно влипает в какие-то проблемы, с блеском из них выпутывается, но является настолько неуверенным человеком, что обязательно бежит ко мне за предсказанием успешного окончания дел. Я ей позвоню, думаю, что она возражать не будет, а для меня это не станет нарушением моих принципов.

– Отлично, – обрадовалась я. – Вы позвоните нам, когда ваша приятельница к вам соберется, хорошо?

– Конечно, я вам сообщу. Что еще вы бы хотели обсудить?

– Круг нежелательных для вас вопросов от зрителей и то, как вы отреагируете, если вас прямо в студии попросят погадать по руке?

– Если увижу, что у человека благополучная рука, то все расскажу сразу, а если нет, то сошлюсь на то, что деликатную информацию не стоит сообщать принародно.

– Может быть, тогда имеет смысл заранее подобрать таких людей?

– Не стоит, пусть все идет естественным путем, я сумею отказать так, что человек не почувствует себя обиженным. А насчет нежелательных вопросов мне нужно подумать. Что ваши героини обычно считают таковыми?

– По-разному, – пожала я плечами. – Кто-то не любит вопросов о своих доходах, кому-то не нравится вопрос о мужчинах... Вот, кстати, а у вас есть мужчина?

– Есть, – спокойно ответила Анна. – Я ведь нормальная и не старая еще женщина. Имени, правда, не назову, это довольно известный человек, а остального, если спросят, скрывать не буду.

– Хорошо. – Я закрыла блокнот, в котором все это время делала пометки. – Давайте прощаться, я и так у вас засиделась. Если вам придет на ум еще что-то интересное, звоните нам. Время пока есть, передачу с вами мы будем делать под Рождество.

– Прекрасно, это очень хорошее время для предсказаний, я смогу дать вашим зрительницам несколько полезных советов, а для самых юных расскажу о каких-нибудь безобидных и забавных способах гадания.

– Спасибо за кофе, – поблагодарила я Анну на прощание, радуясь, что и для юмора найдется место, а то меня Галина Сергеевна совсем застращала серьезностью Анны. Теперь можно будет не спеша все окончательно обдумать и привести в порядок, чтобы наш шеф Евгений Иванович не мог ни к чему придраться.

Выйдя из квартиры Анны, я услышала, как кто-то поднимается по лестнице, машинально посмотрела через перила и вдруг увидела Виктора Дмитриевича собственной персоной. Мне стало настолько интересно, куда направляется директор ипподрома, что, вместо того чтобы спускаться, я поднялась выше, решив, что так и буду идти наверх, пока не увижу, куда он идет. В крайнем случае, если придется тащиться до самого последнего этажа и он меня обнаружит, скажу, что ищу одну знакомую и по ошибке зашла не в тот подъезд. Впрочем, эта ситуация была из разряда гипотетических. Тучный Виктор Дмитриевич не производил впечатления поклонника пеших восхождений на небоскребы, поэтому, если бы ему требовалось подняться на последний этаж, он наверняка воспользовался бы лифтом.

Мои расчеты оказались верными, господин директор недолго штурмовал лестницу, более того, он остановился у двери Анны и позвонил. Дверь открылась через несколько секунд, и я услышала голоса.

– Здравствуй, Анна.

– Привет, Виктор, заходи. Что нового?

– Да ничего хорошего...

Дверь закрылась, и больше я ничего не услышала. Впрочем, услышанного было вполне довольно, чтобы в моем мозгу началась бурная деятельность. Из подъезда меня буквально вынесло, настолько все во мне кипело. А тут еще я увидела машину и поняла, что меня так мучило, когда я пыталась думать о загадочной женщине, упомянутой Леной: я видела эту же самую машину, когда мы в первый раз уходили от Анны, а мужской силуэт, показавшийся мне знакомым, принадлежал Виктору Дмитриевичу!

Боже, как хорошо, что я ничего не стала рассказывать Анне! Ведь это она! При ее способностях стать главой мафии – раз плюнуть! А то, что живет в простой обстановке, так это самая обычная маскировка. И вообще, это еще как посмотреть по поводу простой обстановки. Оборудование на кухне у нее очень даже современное, а простенькая мебель на самом деле имеет цену гораздо более крутую, чем всякий псевдоампир!

Мне сразу стало понятно, почему директор так опасается Анны – для этого стоило только взглянуть в ее глаза. Это же не глаза, а какие-то бездонные колодцы! А все ее слова о том, что она не способна причинить вред, – это самореклама и набивание цены, ни больше ни меньше.

Я пришла в себя только тогда, когда отмахала пешком почти две остановки. Морозный воздух слегка остудил мою разгоряченную голову и помог привести скачущие мысли в порядок. Я остановилась, чтобы дождаться транспорта, и, немного подумав, решила, что меня несколько занесло. Если Анна – глава преступной группировки, то зачем она согласилась участвовать в нашей передаче? Насколько я разбираюсь в таких делах, люди подобного сорта стараются держаться в тени, хотя... Кто их разберет, существуют ведь и депутаты Госдумы, одновременно проворачивающие всякие темные делишки. Так почему Анна должна быть исключением? Ну, захотелось человеку попасть на экран телевизора, и что? Тем более что это Галина Сергеевна ее нашла, а не наоборот. Ко всему прочему, может быть, Анна специально согласилась, чтобы ее конкуренты увидели и поняли, что с ней шутки плохи. Хорошая версия, как раз в духе Галины Сергеевны...

Я решила, что пора мне с этой темы переключаться, пока я не начала сочинять заведомую чушь. Мне ведь вскоре еще с простой и незатейливой Вероникой общаться на кухне, вот и

буду готовиться... А кстати, который теперь час? Боже мой, ведь уже пять, а я так и не поела... Ладно, у Вероники и перекушу, готовит она здорово и очень любит экспериментировать. Не сомневаюсь, что она и на сегодняшний вечер сочинит что-то интересное, знает ведь о моей слабости к вкусной еде, особенно если эту самую вкусную еду не мне готовить.

Вот в таком настроении я и влетела в кабинет, где меня уже с нетерпением ждали мои дамы. Один только Павлик флегматично расслабился и был умиротворен тем, что его так долго не заставляли ничего делать.

– Ирина, расскажите, что вам нагадала на сей раз Анна? – тут же спросила Лера.

– Ой, я и не вспомнила про гадание, – отмахнулась я.

– А что же вы там так долго делали? – изумилась она моей забывчивости.

– Ты знаешь, работала, – ответила я несколько язвительным тоном и выложила на стол свой рабочий блокнот. – Вот, познакомьтесь и вставьте в план.

– Можно подумать, что мы тут прохлаждались, – обиделась Галина Сергеевна. – Мы с Лерой, между прочим, в последнее время вообще как пчелки трудимся, пока некоторые занимаются тем, что им интересно.

– Извините, – покаянно склонила я голову, – но нам с Павликом уже пора. Завтра с утра все обсудим. До свидания, дорогие мои труженицы. И, Лерочка, не в службу, а в дружбу, позвони мне домой, предупреди Володю, что я задержусь, а то он в последнее время какой-то нервный стал.

– Могу его понять, – философски заметила Лера мне в спину, так как я, подхватив Павлика под руку, уже покидала кабинет.

Вероника мои надежды оправдала: и съемки получились хорошими, и фантастический по красоте салат удовлетворял самым изысканным вкусам, хотя мне от него досталось всего ничего – почти все проглотил наш оператор. Павлик рассыпался в комплиментах Вероникину мастерству, так что я подумала о том, что зря не пригласила с собой Леру. Она-то быстро бы поубавила его энтузиазм! Однако в ее отсутствие пришлось самой справляться с расхвалившимся в Павлике донжуаном, напомнив, что время уже позднее, а на улице ждет Костя. Павлик моим увещаниям внял и согласился покинуть гостеприимное жилище Вероники только после того, как получил приглашение заходить в гости.

Но в машине я постаралась основательно прополоскать ему мозги на предмет того, чтобы он ни под каким видом не имел виды на мою подругу, а побольше думал о Лере. Напоследок я пообещала собственноручно оторвать ему голову, если он меня не послушает. Павлик с унылым видом кивал, но возражать не пытался. Может быть, зря я на него накинулась, а бедный парень ничего такого и не думал? Просто автоматически подлизывался к женщине, которая его вкусно накормила?..

Я сегодня что-то так набегалась за целый день, что даже махнула рукой на то, что Костя опять везет меня домой. Ну и что, если кто-то увидит, как я выхожу из машины? Все равно Володя никаким сплетням не поверит, он меня любит, а поводов для ревности я ему не давала и давать не собираюсь.

Поднимаясь в свою квартиру, я вспомнила, что так и не успела сегодня еще раз поговорить с Валеркой, а звонить ему домой не стоило. Володя и в самом деле нервничает, зачем его травмировать лишний раз, потерплю до утра.

Но следующим утром у меня так и не нашлось времени, чтобы найти Гурьева и пообщаться с ним. Совершеннейшая мистика!

Как мы ни старались, как ни пытались учесть все мелочи, все равно весь день прошел в какой-то кошмарной суете! Наконец передача началась. Моя Вероничка прекрасно выглядела, сидя в гостевом кресле, и почти не нервничала. Лера носилась по студии с микрофоном, Галина Сергеевна незримо для меня руководила процессом, публика была благодушной и с интересом

обсуждала тему подарков. Возник только один немного скользкий момент, когда какая-то дама бальзаковского возраста спросила напрямик:

– Скажите, Вероника, а вам приходилось когда-нибудь хамить покупателям?

– Только в ответ на хамство, и то это было в самом начале моей работы! – не растерялась Вероника. – Продавцы и покупатели разделены барьером, и тем, кто сам не постоял за прилавком, трудно понять наши чувства. Мы ведь почти актеры, которым приходится постоянно играть на публику. Иногда работаешь с головной болью или тяжелым сердцем, но все равно остаешься милой и внимательной к покупателям. Они ведь не виноваты в моих проблемах и ждут от меня только качественной работы.

Зрители наградили самоотверженную Веронику аплодисментами, но дама еще не закончила:

– А бывают покупатели, которые вас раздражают?

– Бывают, но я все равно стараюсь не срываться. Да это и не совсем покупатели, просто есть люди, в основном пожилые и одинокие, которым нравится ходить по магазинам, чтобы потом было о чем поговорить с соседями, принести, так сказать, рекламную информацию. Многие мои коллеги таких людей не любят, считают, что они только время зря отнимают, а я – нет. Такая старушка, если я с ней вежливо пообщаюсь, сама, конечно, ничего не купит, но может мне привести несколько потенциальных клиентов. Все-таки в нашей стране лучшая реклама – это до сих пор сарафанное радио.

Снова раздали аплодисменты, так как правоту Вероникиных слов многие испытали на себе, отправляясь за покупками после рассказов знакомых. Лера попыталась разлучить настырную даму с микрофоном, но та не собиралась сдавать позиций.

– Вероника, скажите, а вы сообщаете покупателям обо всех свойствах товара или пичкаете их заранее заготовленной рекламной байкой? Ведь, насколько мне известно, зарплата продавца зависит от выручки, следовательно, вам необходимо продать товар любым способом, вплоть до того, чтобы навязать его.

– Я бы так не сказала. Навязывать не имеет смысла, так как практически любой покупатель начинает крайне подозрительно относиться к излишне расхваливаемому товару. Прежде всего нужно дать человеку возможность спокойно выбрать, потому что свобода выбора – это то, чего так долго были лишены наши люди. И только потом, если клиент настроился купить вещь, но все еще колеблется с окончательным решением, имеет смысл предложить свои услуги, но лишь в плане консультации о свойствах товара.

– Хорошо. Тогда как бы вы вели себя со мной, если бы я решила у вас купить, например, утюг и попросила бы вас мне что-нибудь порекомендовать?

– Я расспросила бы вас, что именно вы ждете от своей покупки и какую сумму планируете на нее потратить, а потом предложила бы два-три варианта, цена которых вас устраивает. Здесь есть один очень важный момент. – Вероника увлеклась и стала помогать себе жестами. – Если я предложу вам что-то совсем дешевое, вы можете решить, что я вас унижаю, а если, наоборот, предложу что-то дорогое, вам может показаться, что в погоне за выручкой я навязываю вам излишне дорогой товар. К каждому покупателю необходим индивидуальный подход, поэтому я больше спрашиваю, чем расхваливаю.

– Bravo! – удовлетворенно выдохнула дама, изобразив несколько хлопков ладонями. – Если бы все продавцы относились к своей работе так же, как и вы, то походы по магазинам становились бы праздниками!

Студия разразилась аплодисментами, а я объявила рекламную паузу и перевела дух. Надо же, а ведь мне даже в голову не приходило, что Вероника так серьезно относится к своему делу. Я всегда считала, что для нее эта работа – нечто временное и малоприятное.

Больше ничего экстраординарного за время передачи не произошло. Звонки телезрителей в основном касались личной жизни Вероники, ее вкусов и увлечений, она отвечала легко

и непринужденно, а на предложение познакомиться, которое поступило от какого-то юноши, назвавшегося Игорем, ответила, что ее всегда можно найти за прилавком с девяти до семи вечера. Мне осталось только завершить передачу привычной фразой:

– До свидания, уважаемые телезрители, ждем вас в это же время в следующую пятницу на передаче «Женское счастье». С вами была автор и ведущая Ирина Лебедева. До скорой встречи!

Когда погасли софиты и публика разошлась, Галина Сергеевна увлекла Веронику в наш кабинет со стандартной фразой о том, что пора сбросить напряжение. Привычно изгнав Павлика из кресла и усадив туда нашу героиню, я разлила по крохотным стопочкам коньяк, мы дружно выпили, секундочку помолчали, ощущая, как по телу пробегает волна блаженного тепла и желанной расслабленности. Первой тишину нарушила Вероника:

– Хорошо, что шеф мне на завтра дал отгул. Чувствую себя так, словно простояла еще одну смену в предпраздничный день! Честное слово, Ириша, никогда бы не подумала, что выступать перед телекамерой так утомительно!

– Ничего, зато ты держалась великолепно, – я похлопала подругу по руке, а Галина Сергеевна предложила:

– Знаете что, Вероника, мне тут пришло в голову, что можно попробовать предложить Жене, то есть Евгению Ивановичу, сделать небольшую постоянную программку о новых товарах, а вас пригласить на роль ведущей. Вы не возражаете?

Вероника зарделась и кивнула, Лера подхватила идею и принялась обсуждать возможности, которые откроет такая программа для привлечения спонсоров. Лишь я расслабленно молчала, мечтая о завтрашнем выходном и о том, как я его проведу. Планы у меня были грандиозные.

– Ирина, тебе не кажется, что спать лучше дома? – вывел меня из мечтательного состояния голос Галины Сергеевны. – Пора расходиться.

– А? – спохватилась я. – Да-да, конечно. Уже иду.

На улице мела метель, поэтому, распрощавшись с коллегами и Вероникой, я поплотнее запахнула воротник и поспешила домой. Морозец стоял слабенький, ветер несильно подталкивал меня в спину, фонари мерцали в снежной круговерти, а я целеустремленно переставляла ноги с сознанием хорошо выполненного служебного долга, отбросив все посторонние мысли и думая только о том, что я завтра буду готовить, чтобы побаловать Володю.

– Ну вот ты и дома! – радостно приветствовал меня супруг, помогая разоблачиться. – Идем ужинать, звезда телеэкрана местного масштаба.

– Но-но, ты не очень-то! – шутливо осадил я Володю. – Если мои поклонницы узнают, что ты так неуважительно ко мне относишься, они тебе этого не простят!

– О чем это ты? – притворно возмутился муж. – Я переполнен гордостью за тебя и постоянно пребываю в прострации из-за попыток оценить масштабы привалившего мне счастья! Такой жены нет больше ни у кого.

– Правильно, – мурлыкнула я. – Меня нужно ценить и почаще говорить мне комплименты...

– А еще кормить! – Володя сграбастал меня в объятия и понес на кухню. – Давай скорее за стол, я и так не бог весть какой кулинар, а если это еще и остынет, то нам обоим придется остаться голодными.

– Ты приготовил что-то вкусненькое? – заинтересовалась я, усаживаясь за стол и пытаясь по запаху понять, что же это за блюдо.

– Это тефтели, – гордо ответил муж, поставив кастрюлю на стол и снимая с нее крышку. Я поспешила полюбоваться содержимым и не удержалась от удивленного возгласа:

– Ой, а где же они?

– Ничего не понимаю, – лицо Володи разочарованно вытянулось. – Я же все делал точно по книге...

– По какой книге, Володенька? – спросила я.

– «Мужчина на кухне», мне ее твоя мама подарила на двадцать третье февраля. Должны были получиться тефтели, тушеные с овощами, а получилось... – муж поболтал ложкой в содержимом кастрюли, которое по консистенции напоминало нечто среднее между супом и кашей.

– А получилось замечательное рагу с рисом, овощами и рубленным мясом! – пришла я мужу на выручку. – Пахнет очень аппетитно, скорее накладывай!

Супруг горестно вздохнул, вооружился половником и плюхнул на тарелки по порции странного варева. Немного подумал, снова вздохнул и заменил вилки ложками.

Несмотря на довольно непрезентабельный вид, «тефтели» оказались очень даже ничего, а за чаем мы с Володей выяснили, что же он сделал не так. Оказалось, что кошмарное пособие для начинающих кулинаров мужского пола создано вовсе не для того, чтобы облегчить процесс приготовления пищи, а, наоборот, чтобы поиздеваться над несчастными неофитами. Меры продуктов там приводились такие, что без аптекарских весов справиться было совершенно невозможно, зато технология приготовления изобиловала простором для фантазии. Например, в рецепте пресловутых тефтелей отсутствовало яйцо, а про то, что их необходимо перед тушением обжаривать, не говорилось ни слова.

Я, конечно, тоже не тяну на шеф-повара элитного ресторана, но моего образования по части кулинарии вполне хватало, чтобы понять вредность этой книги. Чтобы успокоить расстроенного неудачей супруга, я обрушила громы и молнии на голову автора, а Володю расхвалила до небес, уверяя его, что он, даже пользуясь никуда не годным рецептом, сумел приготовить очень вкусный ужин. О том, что, на мой вкус, красного перца стоило положить раза в три меньше, я благоразумно умолчала.

Глава 6

Блаженное субботнее утро не испортила даже не подумавшая прекратиться за ночь метель. Я хорошо выпалась и была полна решимости предаться делам, приличествующим нормальной замужней женщине. Перво-наперво собиралась пройтись по магазинам, чтобы пополнить запас продуктов. Помимо всяческих полуфабрикатов, мне требовалась телятина, которую я собиралась к обеду запечь в духовке.

Ассортимент и цены мясного прилавка настолько меня порадовали, что я нагрузилась на всю имеющуюся у меня с собой сумму, решив затарить продукты к новогоднему столу, пока их стоимость не взлетела до небес. Нагруженная, как среднестатистический верблюд в караване, я с трудом добралась до дома, поминутно проклиная тяжкую женскую долю и радуясь, что сама не так часто испытываю эту тяжесть.

Разложив свою добычу по полкам и замочив телятину в маринаде, я надумала с пользой употребить возникшую в процессе приготовления пищи паузу, а именно постирать. Машинка у меня замечательная, практически самостоятельная, от меня только требуется заложить белье и нажать несколько кнопочек. До сих пор хвалю себя за проявленную настойчивость, когда Володя уговаривал меня потратить свадебные деньги на норковую шубу, а я ратовала за приобретение стиральной машины. Как тогда издевался надо мной новоиспеченный муж, призывая небеса в свидетели того, что его жена свихнулась и решила открыть прачечную. Жизнь показала, что я была права. Володя вскоре сам убедился, что при такой жене ему нередко приходится самостоятельно заботиться о чистоте рубашек, что было бы гораздо труднее, если бы в том споре победил он.

Итак, телятина мариновалась, белье стиралось, а я методично елозила по ковру пылесосом, заглушая его зудение звуками мощного голоса Пласидо Доминго. Я так увлеклась этим медитативным занятием, что звонок телефона показался мне сбоем в идеальной работе техники. Пережив несколько секунд растерянности, я все-таки сообразила, что именно вторглось диссонансом в отлаженную бытовую симфонию, и сняла трубку:

– Слушаю вас.

Ответ я не разобрала, так как пылесос продолжал жужжать вхолостую, а итальянец – надрываться.

– Секундочку! – прокричала я в трубку и кинулась глушить помехи. – Слушаю вас.

– Ирина, у тебя там что, Армагеддон в масштабах одной отдельно взятой квартиры? – услышала я ехидный голос Гурьева.

– С чего ты взял? – искренне удивилась я. – Просто занимаюсь домашней уборкой.

– А, ну это одно и то же! Бросай это грязное дело, нужно пообщаться.

– Мне тоже нужно, – согласилась я. – Ты что-нибудь узнал?

– Больше, чем мог, но меньше, чем хотел.

– Так выкладывай! – потребовала я.

– По телефону неудобно, – замялся Валерка. – Лучше встретиться.

– Валера, я не могу. У меня белье стирается, и телятина для обеда маринуется.

– Ну так приглашай! – оживился Гурьев.

– Да? А твоя информация стоит того?

– Будь уверена, стоит.

– Тогда подъезжай, но только поскорее.

– Я не понял, зачем? Ты телятину маринуешь или меня собралась подвергнуть этому процессу, пока будешь готовить? Я же умру, вдыхая всяческие кухонные запахи.

– Балбес! Нам нужно все обсудить, пока Володьки нет, незачем его волновать. А если не хочешь нюхать – захвати с собой противогаз!

– Язва ты, Ирина, – посетовал Гурьев. – Ладно, сейчас буду. Чего только я ради тебя не делаю!

– Ничего ты ради меня не делаешь, ты себя от язвы желудка страхуешь.

Я повесила трубку, чтобы наш милый диалог не затянулся до второго пришествия, и вернулась к пылесосу. Уборку я закончила одновременно с приходом Валерки.

– Ну, привет тебе, хозяйка, – Гурьев отвесил мне шутовской поклон. – Чем потчевать будешь?

– Байками, – в том же духе откликнулась я.

– Некалорийная это пища, вот что я тебе скажу.

– Валерка, хватит изощряться в остроумии, – взмолилась я. – Если ты и в самом деле настолько голоден, как стремишься показать, то я тебе чаю заварю и бутерброд сделаю. Только начни наконец рассказывать!

– Уговорила. Ставь чайник. Значит, так. Узнать мне удалось следующее. Директор ипподрома на самом деле ничего не решает...

– И все? – я разочарованно обернулась к Валерке. – Это я уже и без тебя знаю.

– Да? А может, ты еще знаешь, кто там всем заправляет? – ехидно осведомился Гурьев.

– Представь себе, – подтвердила я, но потом поправились: – Ну, не то чтобы знаю, но подозреваю с большой долей вероятности.

– Вот даже как... – протянул Валера, откусывая бутерброд. – А поточнее?

Мне ничего не оставалось делать, как пересказать ему все, что нам сообщила Лена, а заодно и мои личные соображения по поводу Анны.

– Очень интересно... А ты растешь, – уважительно прокомментировал Валерка. – Столько всего узнала и умудрилась сама не подставиться.

Я расцвела от его похвалы, ведь такое случилось на моей памяти чуть ли не в первый раз. Гурьев дожевывал бутерброд, разочарованно покрутил носом и просительно уставился на меня:

– Ириша, а когда ты телятинку готовить начнешь?

– Валерка! – я задохнулась от возмущения. – Ну ты и проглоти! Имей терпение. И вообще, где обещанные новости?

– А новости все...

– Что?! Это что же получается?.. Я тебе выложила на блюдечке с голубой каемочкой всю информацию, накормила, напоила, и все за здорово живешь?

– Меркантильная ты женщина, Ирина, – вздохнул Гурьев. – Приучайся ценить роскошь человеческого общения.

– Ну ты и наглец!

Я кипела от негодования. Надо же, обвел меня вокруг пальца, как последнюю идиотку. Мне страшно хотелось огреть Валерку чем-нибудь по голове, только воспитание не позволяло реализовать это желание. Кое-как справившись с бушевавшими эмоциями, я заговорила:

– Валера, ты недоговариваешь и темнишь. Ведь и козе понятно, что ты не стал бы звонить мне в выходной, если бы что-то не узнал. И только не надо заливать про то, что ты соскучился по мне лично или по моей стряпне, все равно я в это не поверю. Я еще могу согласиться с тем, что ты каким-то образом пронюхал о том, что у нас была Лена, и решил выведать у меня новости. Но и это маловероятно. Так что прекрати ломаться и выкладывай. Иначе ты мне больше не друг.

– Ирина, Ирина, – покачал головой Валерка, – ну ты же умная женщина, ну зачем тебе все это надо, а? Занимайся своими девичьими телепосиделками, обеды мужу вари... Не лезь ты в эти дела. Вдруг с тобой что-то случится? Как я тогда Володьке в глаза смотреть буду?

Так-так-так, похоже, он и в самом деле нарыл что-то интересненькое, теперь я с него с живого не слезу.

– Валерочка, солнышко, – сладко пропела я. – Ты хорошо взвесил последствия своего молчания? Тебе не кажется, что взаимовыгодное сотрудничество гораздо выгоднее открытой конфронтации?

– О женщины, имя вам – вероломство, – процитировал классика Гурьев, вульгарно воздев руки к потолку, как какой-нибудь пророк местного масштаба. – Шантажистка ты, Ирина.

– Так ты будешь говорить?

– Куда от тебя деваться, – сдался Валерка. – Значит, так: ипподром курирует один из депутатов Госдумы, который на этом деле сделал себе небольшой политический капитал. Ну сама понимаешь – поднимем российское конезаводство... и так далее, прямо по тексту. Спонсоры у него все в одной завязке, деньги там крутятся немалые. Жаль, что сейчас не сезон, многого не узнаешь. Я ведь давно взял бега на заметку, да все некогда было, а сейчас, сама понимаешь, тишь да гладь.

– А как же московский конкурс? – спросила я.

– Что-то там затевается, – признался Валерка. – Но я пока не успел связаться с тамошним приятелем, он только к среде вернется. А насчет того, что всем этим делом дамочка заправляет, это верно. Вот только кто, пока неясно.

– А наша Анна тебе на эту роль не глянулась?

– Да как тебе сказать, – протянул он. – Вот так сразу я не могу сказать ни да ни нет. Поведай-ка ты мне ее паспортные данные, а я навещу одного человечка, пили мы с ним вместе в одна тысяча девятьсот... Впрочем, это неважно.

– Дай слово, что больше не будешь утаивать от меня информацию, – потребовала я. – А то ничего не скажу и остальным запрещу с тобой на эту тему общаться.

– Грозна, мать, грозна, – покачал головой Валера. – Чтоб мне одними гамбургерами всю жизнь питаться! – торжественно поклялся он, подняв правую руку.

– Ладно, верю, записывай: Анна Алексеевна Колесникова, сорок один год, проживает на Лермонтова три, квартира шестьдесят восемь.

– Запомнил. В понедельник попробую выяснить, чем эта престарелая мадемуазель дышит.

– А вот насчет престарелой ты загнул, – слегка обиделась я за Анну. – Выглядит она так, как любой тридцатилетней и не снилось.

– Даже так? Тогда тем более это все подозрительно.

– А почему?

– Ирина, будто ты сама не знаешь, каких денег стоят все эти салоны, солярии, массажи... Впрочем, ты пока еще и без них непростительно хороша.

– Да ну тебя, Валерка, – отмахнулась я. – Compliments оставь для кого-нибудь другого, а насчет салонов Анна все отрицает. Говорит, что всего добилась собственными методиками.

– Это все сказки. Скорее всего, твоя Анна не хочет светить места, где бывает.

– Ты уверен? – насторожилась я.

– Я пока ни в чем не уверен, – охладил мой пыл Валерка. – Просто строю гипотезу. Ты лучше за обед принимайся, а то твой Володька скоро придет. А разговор продолжим в понедельник.

Я покорилась, успокоенная его обещанием, да и телятина уже успела хорошенько промариноваться. Чтобы Гурьев не бездельничал, я мстительно заставила его чистить картошку, а сама принялась раскладывать мясо на противень и тереть сыр. Через пятнадцать минут подготовительный этап был закончен: переслоенное тонкими кружочками картошки и кольцами маринованного лука мясо было щедро сдобрено майонезом, засыпано тертым сыром и отправлено в духовку. А еще через пять минут Валерка как-то подозрительно засобирался.

– Ты куда? – изумленно спросила я. – Неужели обеда не дождешься?

– И не надейся, – парировал он. – Просто сил нет все это нюхать. Я лучше за пивом пока схожу.

– А что, сходи, – согласилась я. – Имеем полное моральное право немножко расслабиться в свой законный выходной.

Вскоре вернулся Гурьев вместе с Володькой, которого встретил по дороге.

– Привет, Ириша, – муж поцеловал меня в щечку. – Как твоя телятина, готова?

– Валерка, как тебе не стыдно! Испортил сюрприз!..

– Ничего-ничего, – отшутился Гурьев. – Ты на Володьку глянь. Он копытом бьет, как конь застоялый! Давай уже свою стряпню.

Я быстренько накрыла на стол и торжественно достала из духовки мясо, которое выглядело просто потрясающе, а уж аромат поплыл по квартире такой, что я сама облизнулась.

Могу ведь, когда постараюсь!

Мужчины накинулись на еду, и некоторое время было слышно только звяканье вилок и ножей. Когда первый голод был утолен, Володя разлил по бокалам пиво и предложил тост за свою супругу, непревзойденную хозяйку и очаровательную женщину. За меня то есть.

Валерка вознамерился было добавить какую-то ехидную отсебятину, но не решился, а просто одним махом опустошил бокал. Правильно, знает, когда лучше смолчать, тем более что телятина и в самом деле удалась на славу, что могу лично отметить без лишней скромности.

Наша теплая компания просидела за столом часа три. Пока я убирала тарелки, мальчики сходили за пивом еще раз и предложили сыграть в карты. Я ничего не имела против, так как действительно могла себе позволить полноценный выходной. Однако играла я так себе, все время возвращаясь мыслями к Анне. Карты на меня, что ли, так подействовали?

Может она быть главой ипподромной мафии или нет? Фактов не так уж и много, но кое-что наводит на такую мысль. То, что Анна достаточно состоятельна, видно по обстановке ее квартиры, да и Валерка может оказаться вполне правым по поводу салонов... Директора она знает, а еще эти ее способности... Хотя, может, и нет никаких способностей, просто она хорошо умеет собирать информацию? Лере-то она ничего такого не сказала. А Павлику? Что-то я с этой кашей в голове катастрофически проигрываю, пропуская интересные комбинации...

Гурьев незло подтрунивал над моими умственными способностями, не советуя соваться в казино, даже рассчитывая на обычное везение новичка. Володя пытался подыгрывать, но я не обращала на всю эту мужскую суету никакого внимания. В голове сами собой всплывали запомнившиеся с детства значения карт – казенный дом, благородный король, дальняя дорога...

Слегка дернуло меня, когда на руках оказались пиковый туз, дама и девятка. К покойнику, машинально отметила я роковое сочетание – пожалуй, единственное, что я помнила из всего многообразия комбинаций. Затем отмахнулась от лезущих в голову глупостей, сосредоточилась на игре и умудрилась закончить партию не с таким разгромным счетом, какой предсказывал зловредный Гурьев, который, кстати, выиграл и решил откланяться. Вечер мы провели с Володей, тихо и спокойно устроившись в обнимку перед телевизором. Муж разомлел от хорошей еды с пивом и лишь тихонько поглаживал меня по спинке, как большую кошку. А я блаженно дремала, вполглаза следя за перипетиями какого-то очередного боевика.

* * *

Всю ночь мне снились какие-то нелепые и дурацкие сны. К тому же я забыла с вечера отключить таймер будки, так что проснулась уже в семь часов утра, невыспавшаяся и смурная, под стать небу за окном. Даже голосистый итальянец настроения мне не улучшил. Я дотянулась до пульта, выключила центр и зарылась в подушку, прижавшись к теплому Володиному боку, чтобы еще немного поспать. Ничего не вышло.

Горько жалуясь на свою судьбу, я выбралась из постели и поплелась в ванную. В целях борьбы с хандрой я приняла холодный душ, убеждая себя в его благотворном влиянии на нервную систему и организм в целом. Убеждение получилось вялым, так что душ был принят в рекордно короткие сроки. Растираясь мохнатым полотенцем, я бросила взгляд на стиральную машину. Боже мой! Там же со вчерашнего дня белье томится! Прекрасно, вот и займусь им с утра пораньше, раз уж не спится, как всем нормальным людям.

С удивившим меня саму мазохистским упорством я вытащила из чрева машины чистое белье, сгрузила его в тазик и потащила в комнату. И за что я себя так наказываю? Вроде ничего плохого не делала, была просто умничкой и паинькой...

Решительно прервав саможаления, я, даже не попив кофе – все равно не хотелось, – стала гладить, начав с пододеяльников, хотя в обычное время я всеми правдами и неправдами стараюсь свалить эту работу на мужа. Он большой и сильный, он и не такое может.

Когда занимаешься физической работой, то голова свободна, поэтому можно занять ее чем-нибудь полезным. Например, разобраться в собственном настроении, точнее, в причинах его гнусности. В семье мир и порядок, на работе – тоже, коварные вирусы меня вроде бы не одолевают, так в чем же дело? Критические дни, что ли, подступают? Так я их спокойно переносу, я вообще здорова как лошадь, никаким перепадам погоды не подвержена. А вдруг у меня начинается очередной переходный возраст? Говорят же, что все когда-то случается впервые...

Стопка глаженого белья росла, а трудотерапия так и не оказала на меня своего целительного эффекта. Скорее бы Володя проснулся, что ли! Может, разбудить его? Последняя мысль пахивала какой-то уж совсем запредельной гнусностью – будить родного мужа практически в единственный день, когда он может выспаться! Я запретила себе даже думать о таком, а принялась тщательно утюжить свою любимую батистовую блузку ужасно замысловатого фасона.

Все! Осталось разложить и развесить вещи по местам, и мой эпохальный труд будет закончен, но что-то я даже законной гордости не ощущаю. Что бы еще такого предпринять? Ну, можно состряпать вкусный завтрак и подать его мужу в постель. Он улыбнется, поцелует меня, наговорит кучу нежностей, а там я и о плохом настроении забуду. И как я могла упустить из виду такое хорошее средство, как Володина любовь и нежность? Тоже мне, деловая женщина, привыкшая со всеми проблемами справляться самостоятельно!

Я быстренько замесила тесто и испекла симпатичное печенье, потом красиво разложила его на блюде, накрыла салфеткой и со всем тщанием сварила кофе. Сервировав поднос, я заглянула в спальню. Володя спал сном младенца и сладко посапывал. Нет, не буду его будить даже ради завтрака, пусть сам проснется, когда захочет.

Неожиданно зазвонил телефон. Я поспешила снять трубку, недоумевая, кому это я понадобилась в такую рань.

– Слушаю.

– Ирина? Здравствуйте, это Лена. – Голос девушки был ужасно взволнованным.

– Здравствуй, Лена. Что-то случилось?

– Да. Вы не могли бы подъехать на ипподром прямо сейчас? Это очень важно, а мне больше не к кому обратиться... – Лена чуть не плакала.

– Минут через сорок буду, – пообещала я, горя нетерпением.

– Я вас встречу на остановке маршрутки.

Повесив трубку, я заметалась по комнате, стараясь одеться как можно быстрее и как можно тише. Как хорошо, что я все-таки не разбудила мужа! Теперь можно просто оставить ему записку и улизнуть без всяких объяснений.

«Дорогой, – нацарапала я, – мне нужно срочно встретиться с героиней следующей передачи. Уехала на ипподром. Не скучай, скоро вернусь. Твоя Ирина.

P.S. Завтрак под запиской».

Аккуратно пристроив бумажку на накрытый салфеткой поднос, я на цыпочках покинула спальню, впрыгнула в сапоги, влезла в шубку и выбралась из квартиры, деликатно прикрыв за собой дверь. Затем во весь дух помчалась по лестнице.

Гадать, что случилось у Лены, не имело никакого смысла, так как через полчаса я всю узнаю, но в голове невольно происходила работа по строительству различных версий: захромала ее любимая лошадка, девушка нашла какую-нибудь улику или решила отказаться от участия в передаче... Нет, о последнем варианте лучше не думать. Евгений Иванович нам головы поотрывает, мне – в первую очередь. А уж о премии тогда даже думать не стоит, накроется медным тазом моя мечта о микроволновке. Нет-нет, лучше подумать о чем-нибудь более оптимистичном, например...

Что будет например, я решить не успела, так как уже подъезжала к ипподрому и увидела нервно переминающуюся с ноги на ногу Лену. Девочка явно нервничала.

– Привет, Лена. Что у тебя случилось?

– Ирина, мне страшно! – Девушка вцепилась в мою руку. – Давайте вернем стремя на место! Черт с ними, с этими интриганами, я в Москве постараюсь с нужными людьми познакомиться и переехать отсюда! И Коля тоже переедет.

– Да что стряслось-то? – недоуменно спросила я. – Ты толком расскажи!

– Сегодня с утра пораньше я приехала сюда, чтобы вывести Триумфа, надо же мне к нему привыкать, времени-то осталось всего десять дней. Думала, что никого в такую рань, кроме сторожа, на ипподроме не будет, поэтому шла открыто. Как вдруг увидела нашего тренера, Терентьича, который отпирал кузню. Мне это показалось подозрительным, так как Терентьич вчера говорил, что не придет и чтобы я одна тренировалась. А Олег Борисович собирался прийти к обеду, чтобы доделать для Триумфа нарядную сбрую для показательных выступлений в Москве; мы с ним должны были детали всякие обсудить, вроде того, какого цвета на мне форма будет. Так вот, тренер меня не увидел, да он особо и не оглядывался, наверное, считал, что я позже приду. А потом Олег Борисович появился, он от административного здания шел, сразу меня увидел и рукой замахал. Хорошо, что он громко разговаривать не любит. Я подошла к Олегу Борисовичу, поздоровалась, он сказал, что жена в деревню укатила, вот он и пришел пораньше и предложил в кузню пойти. Мне что-то стало страшно, но Олег Борисович человек надежный, поэтому я пошла. Вот только заходить сразу не стала, а пропустила Олега Борисовича вперед и остановилась. Он прошел вперед, не оглядываясь, включил свет и увидел тренера. Удивился, стал спрашивать, что тот в кузне делает. Терентьич отвечал как-то напряженно, видимо, не успел ничего придумать, ерунду какую-то говорил. Олег Борисович засмеялся и опять спросил, что тренеру надо – наш кузнец ужасно не любит, когда без него кто-то в инструментах роется. А тренер сорвался и стал кричать, что имеет полное право бывать там, где считает нужным. Кузнец тоже голос повысил, стал говорить, что если бы всякие типы в его хозяйстве не рылись, то и не случались бы падения у опытных наездников. Терентьич на секунду замолчал, потом как заорет на Олега Борисовича совсем уж плохими словами, требуя не соваться не в свое дело. Дальше – хуже, они оба раскричались и, наверное, подрались, так как я все время слышала какой-то грохот. Тренер требовал у кузнеца вернуть стремя, Олег Борисович грозился рассказать все, что знает... Ужас, одним словом. Потом вдруг раздался какой-то уж совсем страшный шум, посыпались какие-то железяки, я и так была ни жива ни мертва от страха, а тут просто обезумела и кинулась бежать...

– А дальше? – обратилась я к умолкнувшей Лене. – Что было дальше?

– Все... – растерянно сказала она. – Я вам позвонила...

– И не дослушала, чем все кончилось? – ахнула я.

– Да я же вам говорю, что мне страшно стало! – Лена почти плакала. – А вдруг меня тренер бы заметил?

– Ну и что? Не убил бы он тебя, в самом деле! Прекрати трястись сейчас же! Ты же храбрая девушка, каждый день с такими огромными зверюгами справляешься, а тут испугалась непонятно чего! – Я пыталась как могла успокоить Лену. – Ты в кузницу больше не возвращалась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.